

БЕДНЫЙ ПАВЕЛ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЛАДИМИР
ГОЛУБЕВ

16+

Владимир Голубев

Бедный Павел. Часть вторая

«Автор»

2021

Голубев В. В.

Бедный Павел. Часть вторая / В. В. Голубев — «Автор», 2021

Как могла бы пойти история, если бы на месте Павла I – противоречивого, эмоционального и неуживчивого человека, страдающего от отсутствия внимания и доверия матери, - оказался жёсткий, хитрый и любящий Россию наш современник? Что было бы, если бы Екатерина Великая могла опереться в своих реформах на многочисленных сторонников и на собственного сына? Как преобразовать привычки и традиции огромной патриархальной страны, чтобы подготовить её к эпохе великих перемен? Впереди большие войны. Скоро, очень скоро, на нашу страну нападут многочисленные враги, Наполеон сожжёт Москву и нанесёт государству гигантский ущерб. Возможно ли избежать этого? Сумеет ли новый Павел подготовить Россию к этим смутным временам и оседлать промышленные и социальные процессы в Европе и мире?

© Голубев В. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Голубев

Бедный Павел. Часть вторая

Глава 1

Душа была пуста, боль, непонимание, неверие – всё смешалось... Воздуха не хватало. Может, я умираю? Я сидел, смотрел в окно, вокруг бегали мама, Потёмкин, в глаза заглядывал Белошапка, слуги крутятся – какая-то суета, а сил встать не было. Потом будто услышал, как кто-то поёт, протяжно так, красиво. Голосов было много, они сливались, переплетались. Я узнал – осмогласие¹. Я слышал его во дворце Разумовского и в его домовый церкви.

Я осознал, что происходит. Отогнал жестом докторов, роившихся вокруг. Оперся на ручку кресла, встал, вцепился в плечо испуганного Потёмкина.

– Пойдём, Гриша! – слова выкашливались, как мокрота.

– Куда, Павел Петрович?

– В церковь!

Григорий помог дойти мне до малой дворцовой церкви, где я сел на скамеечку и просто дышал воздухом, пахнувшим ладаном, и молился. Прибежал отец Леонтий, который стал моим духовником, с тех пор как Платон был рукоположён в епископы Санкт-Петербургские. Он всё понял и просто начал вслух читать молитвы. Ровный речитатив отца Леонтия, горящие свечи, образа, внимательно смотрящие на меня, запах ладана и воска – мне становилось легче. Постепенно краски вернулись.

Я так всё хорошо рассчитал, продумал. Всё должно было быть хорошо. У нас должно было получиться. И у нас получилось! Вот только детали – они всё меняют. Зачем мне такой мир, где я победил, но нет Маши? Бог показал мне, что смеётся надо мной и моими планами. Но как-то не полностью, что ли...

Когда я вышел из церкви, уже стемнело. Я хотел отъехать в Петергоф, побыть одному, послушать море. Но спокойно пережить своё горе мне так и не удалось. На пути из церкви меня встретил бледный Белошапка и сообщил, что меня нижайше просит прибыть к нему Алексей Григорьевич Разумовский.

– Что случилось? – ответил я ему, почти равнодушно, придавленный своим несчастьем. А Гришка сказал:

– Помирает он! Проститься хочет! – ох, как! Я-то думал, что больше уже не будет, но резануло как ножом, все чувства опять взбунтовались, голова закружилась, но мир остался очень чётким. Я резко встряхнулся и махнул слугам.

– Что случилось? – спросил я Гришку, накидывая кафтан и выбегая наружу. Осёдланный конь и конвой уже ждали меня.

– Да вот, говорят, как в Петербурге всё это началось, он слёг и больше не встаёт! А сейчас послал человека сказать, что помирать будет, Павлушу просит! – голос Белошапки сорвался на всхлип, холодный и сырой воздух обжигал мне лицо. Я не понимал, что же происходит в мире, и молил Господа, чтобы застать Алексея Григорьевича живым.

Бросив коня слуге около дворцового крыльца, я бегом кинулся в комнаты к Разумовскому. Человек, которого я давно считал своим отцом, лежал в постели, одетый в расшитый мундир, украшенный всеми орденами и наградами. На белом, как морская пена, лице его, казалось, жили только глаза, которые по-прежнему смотрели на меня с нежностью и жалостью.

– Алексей Григорьевич! Что с Вами?! – просто взвыл я.

¹ Осмогласие – система организации церковных песнопений в православной церкви.

Тот слабой рукой махнул находящимся в комнате брату, племянникам и слугам. Те вышли, и мы остались наедине.

– Умираю я, Павлуша! Чую я, смерть за мной пришла! Не могу я уйти, с тобой, мальчик мой, не попрощавшись. – Я, уже не сдерживаясь, зарыдал, и прижался к нему. Я гладил его по старым дряблым щекам, и только повторял:

– Батюшка! Батюшка! Простите меня! – слеза медленно, как во сне, потекла по его мертвеющей щеке.

– Павлушенька, воистину любил я тебя как сына своего! Прости меня, старика, что бросаю тебя в такой момент! Прости ты меня, сынок! Старый я стал, слабый! Не хватило мне сил дотерпеть! Прости меня, мальчик мой! – голос Алексея Григорьевича угасал, и я понимал, что он покидает меня. Я плакал, прижавшись к нему, сжимая его ладони, чувствуя, как они холодеют.

Просидел я так час с лишним, пока не нашёл в себе силы поверить, что его больше нет. Потом встал, утёр лицо, вышел из комнаты и позвал ожидающих за дверями родственников и слуг. Старичок-священник, что причащал умирающего, подошёл ко мне и, молча, погладил меня по голове. Как я снова не заплакал, не понимаю...

Это был уже второй человек, который был мне ближе других, что ушёл от меня навсегда. Боже! Как же мне было больно!

Я провёл в доме Разумовского ещё около получаса, пытаюсь прийти в себя. Как остекленевший я сел на коня, всё было как во сне. Спать я не мог, сидел перед камином и смотрел на огонь. Люди во главе с мамой не оставляли меня ни на секунду. Я иногда успокаивающе улыбался им...

Весь следующий день я молился, работать не получалось. Ночью опять не спал. Отправил родных спать, а за мной следил Белошапка. Но уже под самое утро примчался Карпов – верхами. Это для него было совершенно нехарактерно, Емельян побаивался лошадей, и то, что он прискакал... Он был одет очень небрежно, вид имел совершенно безумный и несчастный, глаза красные и вытаращенные.

– Ты что, Емельян? – мне началось казаться, что я уже смотрю на всё как-то со стороны.

– Михаил Васильевич там! Отходит он! Уж не знаю, как и... Но Вы всё же его любили и я... Я вот...

– Боже, да что же происходит? Что? – уже не сдерживаясь, заорал я.

Емельян, путаясь в словах, объяснил мне, что старый учёный при обороне Зимнего сильно простудился. Он не думал о себе, бегая по морозу в одном камзоле, часто распахнутом. Недугов у Ломоносова было уже множество, и новую болезнь сразу даже не заметил. А вот после моего прибытия, когда всё успокоилось, Михаил Васильевич понял, что заболел, и хворь его уже тяжёлая.

Я слишком был занят подавлением мятежа и мало обращал внимания на окружающих, а оказалось, что мой старинный друг уже несколько дней лежит дома в горячке. Врачи бегали вокруг него, но помочь не умели. И вот теперь он понял, что ему не победить болезнь.

Я бросился к нему. Мороза я не чувствовал. Белошапка, сдержанно ругаясь, обмотал мне лицо шарфом. Я скакал с ощущением, что опаздываю к очень-очень важному...

Что же, я не успел принять его последний вздох, моего дорогого друга, соратника и учителя... Рядом с ним были его дочь, зять и Эйлер – старый слепой математик прибыл к своему умирающему товарищу.

Эйлер плакал, не стесняясь. Он передал мне предсмертную просьбу Ломоносова – сберечь его научное наследие. Учёный протянул мне огромный свёрток бумаг – последние работы академика, которые он в спешке заканчивал уже на ложе смерти. Господи, когда же закончится этот кошмар! Сколько же ещё будут уходить близкие мне люди? Кто ещё уйдёт от меня этой кошмарной зимой?

Боль прорвалась. Смертей было очень много. Да, детали – они всё меняют... Я не ждал такого и теперь платил за свои ошибки. И пусть душа моя просто разрывалась от боли! Но не во мне же дело! В маме, в Гришке, в Захаре, в Эйлере, во всех людях, которые поверили мне, и которые шли против меня! Мне надо держаться!

Как мне скрыть свою боль от окружающих? Но я же триумфатор! Я монарх! Я символ их победы! Я обязан довести своё дело до конца! И я должен ничего им не показать! Должен, и всё! Я дал себе клятву не пытаться заглушить свою боль алкоголем, ибо так можно стать законченным пьяницей, остановиться будет очень сложно. Надо взять себя в руки.

Я снова не спал в эту ночь, сидел в кабинете, смотрел на огонь в камине и вспоминал близких людей. Громкий баритон Ломоносова и его гениальный ум, лаковое поглаживание руки Разумовского и его мудрые советы, и твёрдое плечо, на которое я всегда мог опереться, и мою Машу – самую нежную...

Никого уже видеть не хотелось. В душе всё клокотало. Казалось, что и для меня эта ночь способна стать последней. Как же мне всё пережить? Тихо-тихо открылась дверь, и вошёл младший брат мой, Алёша. Одиннадцать лет ему было, учился он неплохо, переписывались мы с ним постоянно. Алёша всё ко мне рвался на войну, но пока рано ему ещё было. Вошёл и как котёнок бесшумно ко мне. Смотрит на меня, испуганно так. Я улыбнулся ему, он робко мне в ответ, и говорит:

– Братец Пашенька, плохо тебе?

– Плохо, Алёшенька! Плохо! – голос срывался...

– Так, может, поплачешь, братец?

– Не могу, Алёшенька! Не волен я, ибо не просто человек, а император, пусть и соправитель, но император. Грех мне слёзы лить, когда отечество моё страдает. Негоже нам, царям о своей боли переживать – действовать надо! Бог на нас смотрит!

Он прижался ко мне тёплым комочком и тихо сказал:

– Коли тебе, Пашенька, плакать нельзя, можно я за тебя поплачу?

– Поплачь, братец, поплачь!

Он, лёжа у меня на коленях, плакал, а я гладил его по голове и молчал. Именно его слёзы дали мне ту отдушину, в которой я так нуждался. За эту ночь я смог найти в себе силы.

Утром я был грустен, но уже твёрд и разумен. Я был готов вернуться к делам. Это странное письмо московского генерал-губернатора Салтыкова, в котором он сообщил о смерти моей супруги от чумы и почти более ничего, только скулёж и просьбы о прощении. Информации о ситуации толком не было. Что он там, с ума совсем сошёл? Что случилось в городе? Как Маша могла заболеть чумой, которую нам удавалось сдерживать даже в княжествах? Ответов не было, а я желал их услышать.

В Москве у нас пока не было нормальной сети агентов, мы начали только строить её на слабом фундаменте, что возвела там Тайная канцелярия. Скорее мы имели там информационное бюро, но тогда где эта информация? Захар, дубина эдакая, не доложил мне о том, что уже две недели к нему не прилетают голуби из Москвы, посчитав это неважным на фоне событий в столице. Он ждал курьеров от своих агентов, а первым успел Салтыков...

После этого он судорожно попытался исправить свою ошибку и выяснить подробности событий в Москве. Пока единственным источником информации был тот самый курьер, который привёз депешу от Салтыкова, но сведений от него мы получили очень мало – он знал только то, что в Москве чума. Ещё в самом начале эпидемии, он вместе с Салтыковым убыл из города в усадьбу фельдмаршала в Марфино, где и находился всё это время. До него доносились слухи, что в Москве начался бунт, погромы. Салтыков заволновался, но боясь болезни, не вернулся в город. О содержании письма курьер ничего узнать не успел, ибо был незамедлительно отправлен ко мне.

Вот так... В Москве ещё и бунт! У нас здесь в столице, пусть и временно, бардак полный, управление почти утрачено, а во втором городе страны непонятно что происходит. Я и мама на грани срыва. Сейчас, по сути, Потёмкин с Вейсманом на себе всё тянут. Только к вечеру прибыл курьер уже с вестями от наших агентов. Оказалось, что голубятня, которая обеспечивала связь, была разрушена ещё в начале эпидемии, посыльные отправлялись регулярно, но до нас никто из них не добрался.

Сведения об этом не доходили до экспедиции в Москве, но поняв, что что-то не так, ответов и указаний к ним не поступало, там начали дублировать сообщения и отправлять больше гонцов. И, вот, наконец, один до нас добрался. Причины этого были очевидны – бунт в Москве превосходил все наши предположения.

Зараза пришла в город на цыпочках, Салтыков и иже с ним проглядели начало болезни, лекари сигнализировали о такой опасности, но карантинные меры своевременно не были предприняты. Небрежение городских властей своими обязанностями было просто ужасным. Информация о болезни была, но её, по сути, скрывали – если бы я знал о таком, то наверняка оставил в городе войска для карантина. Как в Москву попала чума пока непонятно, но, похоже, с трофеями и мародёрами, ибо солдат она почти не коснулась.

Для меня было страшно, что я так сосредоточился на петербургских событиях и проглядел всё остальное! Я понимал, что если бы не замыкался столь на столичных делах, то увидел признаки проблем, услышал врачей, которые могли донести до меня свои волнения. Мы бы нашли войска, чтобы оставить для безопасности города. И Маша была бы сейчас жива!

Взрыв случился через два дня после моего отъезда. Количество заболевших стало расти очень быстро, скрывать это оказалось невозможно, в городе поднялась паника. Сразу после начала морового поветрия, поняв, что происходит в старой столице, из Москвы бежали и Салтыков и прочие местные власти. Маша осталась в городском доме губернатора, посчитав, что это будет правильным – супруга наследника престола должна остаться в городе для успокоения народа. Тем более что чуму она видела не раз и ужаса от неё не испытывала.

Страшная болезнь вытасила наружу самые мерзкие нравы этого почти патриархального города, который очень отличался от Санкт-Петербурга, где даже многие лодочники знали грамоту и читали газеты. Одуревший от страха народ рванул в церкви, где, целуя святые иконы, люди надеялись спастись от моровой язвы, но тем самым ещё больше увеличивая круг инфицированных.

Архиепископ Московский Амвросий Зертис-Каменский, человек весьма умный и образованный, попытался ограничить заражение, распорядившись закрыть доступ к самым известным иконам, что вызвало уже настоящий бунт, в результате которого безумная толпа ворвалась в Кремль. Амвросий был растерзан, присутственные места – разгромлены. Салтыкова в старой столице не было. Ответственность на себя принял надзирающий за здоровьем города Москвы – генерал Еропкин. Он начал собирать войска по всем окрестностям, однако все боеспособные части ушли с Вейсманом. Лишь немногие солдаты ещё находились в казармах с ранеными, больными и при обозах, оставленных в городе.

Основная масса оказавшихся в Москве солдат обеспечила карантин – инвалиды и раненные большего сделать не могли. Главные усилия вначале были направлены на недопущение распространения заразы на окрестности. Похоже, этого удалось избежать. Солдаты вошли в город и попытались навести порядок, но пока из успехов было только освобождение Кремля и монастырей, в которых разместили гарнизоны. Во время этого бунта был разгромлен и дом Салтыкова, где размещалась моя жена. Маврокордаты и их охрана сопротивлялись до последнего, в схватке погиб брат Маши, а её отец был ранен. Хотя солдаты Еропкина успели вырвать мою жену из рук обезумевшей толпы, но, похоже, Маша именно тогда заразилась.

Уже в Кремле через два дня это обнаружилось – врачи работали очень активно, но лекарства от этой болезни не было. Только немногие счастливицы могли выжить. Врач Данила

Самойлович, что лечил Машу, сам заболел, но пока надежды на его выздоровление ещё были. Что происходило в Марфино – никто не знал, а Еропкин в диком огорчении по поводу смерти моей супруги впал в полное уныние и просил об отставке. Хотя он был профессионалом и до получения ответа на свою просьбу не прекращал стараний по наведению порядка, но сил ему катастрофически не хватало.

Такой дефицит ресурсов вызывал сомнение в своих возможностях у армии, наводящей порядок в городе. Где же взять войска? Мы начали судорожно искать резервы. Было отправлено сообщение Румянцеву, но армия придёт из Подолии очень нескоро. В Петербурге нам самим людей не хватало. Бунт в столице ещё не погас, и такой чудовищный удар нам было просто нечем парировать. Мы скребли войска, где могли, но собрать больше трёх рот было пока решительно невозможно.

Однако вмешался другой неучтённый нами фактор – Григорий Орлов. Он почувствовал, что дело проиграно и пытался спастись, но жизнь лесного татя² была не для него. Соглядатаи сообщили о визите Григория к брату Ивану в его усадьбу, в которой у них состоялась беседа, и старший Орлов прямо указал непутёвому родичу на путь спасения – Москва, где бунт и чума, куда не могут быстро отправить войска для наведения порядка. И тот начал действовать решительно: собрал конногвардейцев, которых Орлов возглавил при мятеже и, не обращая внимания на затруднения, рванул в чумной город с огромной скоростью. Через четыре дня он был там.

Именно Григорий Орлов спас Москву, приведя более полутора тысяч очень желающих получить прощение от власти мятежников, и бесстрашно бросившись на улицы, объятые жуткой болезнью и безумием.

Москва горела. Такой кошмар Елизар увидеть никак не ожидал. Сколько раз он бывал в Москве, сопровождая разных особ, и всегда старая столица захватывала его. Она нравилась ему больше Петербурга и даже больше родной Рязани – одновременно и бурно-торговая, и царственно-торжественная. А сейчас от былой красоты и величия ничего не оставалось.

Когда Григорий Орлов нарисовал конногвардейцам, которые пошли за ним в мятеже Паниных против Императрицы, всю картину их поражения, Луцилин, как и большинство его товарищей по гвардии, хорошо представляя себе последствия, ощутил отчаянье и полное опустошение. Но Орлов тут же предложил им альтернативу в наведении порядка в Москве, что должно было дать им надежду на прощение. Да, конногвардейцы знали, что в старой столице чума и бунт, но вот к такому они точно не были готовы.

Уцелевшие постройки, чёрные от копоти, как зубы мёртвых великанов, возвышались среди сгоревших домов на улицах города. Именно по уцелевшим каменным церквям и каменным же строениям и этажам купеческих домов и дворянских усадеб можно было понять, по каким улицам они едут. В первые дни было ещё страшнее, теперь-то они уже попривыкли. Китай-город и Замоскворечье были разрушены полностью, а в остальных частях города разорение носило уже очаговый характер.

Трупы валялись везде. Сложно было понять, кто был убит душегубами, кто умер от моровой язвы, а кто от голода и холода. Сколько всего народу погибло не понять. По городу бродили одуревшие от крови шайки татей, собравшиеся, похоже, со всей России. Не меньшую опасность представляли толпы религиозных фанатиков, возглавляемых полоумными проповедниками, иступлённо уничтожавшие всех неприсоединившихся к ним. А ещё чума... В условиях хаоса на улицах она распространялась всё больше и больше.

Бывший фаворит императрицы явно пошёл ва-банк, обещая всё и всем, причём никаких действительных полномочий у него не было. Генерал Еропкин молча согласился со старшин-

² Тать – преступник (уст.)

ством Орлова в вопросе наведения порядка в Москве, чётко понимая, что город надо спасти любой ценой. Сразу же по прибытии в Москву Григорий Григорьевич кинулся в тюремные остроги, что у Калужских ворот и Бутырских казарм, где произносил жаркие речи, агитируя содержащихся там заключённых послужить отечеству в качестве мортусов³ в обмен на прощение им преступлений.

Однако преступники не горели желанием идти в город, чтобы погибнуть от страшной болезни. Перелом наступил, когда своё слово сказал Колобок, именно этот разбойник считался наследником знаменитого Ваньки-Каина. Настоящего его имени никто не знал, только прозвище. Ходили слухи, что он был даже дворянских кровей. Но никакие пытки после поимки не смогли заставить этого жестокого человека начать говорить, он только смеялся над неловкими катами⁴.

В его приговоре ни у кого сомнения не было – казнь или Нерчинские рудники, столько крови было на его руках. Елизар стоял тогда рядом с Орловым, тот громко выкрикивал, сверкая глазами, обещания, поминая умирающий город и Господа. Тати же прятали взор, не желая идти на верную гибель, предпочитая привычную каторгу смерти. И здесь, внезапно, в задних рядах поднялась огромная медведеподобная фигура. Лицо человека было изуродовано, один оставшийся глаз так пристально смотрел на генерал-аншефа, что тот запнулся.

– Истинно ли Москва гибнет, твоё благородие? – хрипло произнёс разбойник.

– Гибнет! А кто ты такой, что ко мне так обращаешься?

– Я-то? Я раб божий, обшит кожей! Ты же меня о помощи просишь, не я тебя! Как хочешь, так и обращаюсь – всё равно умирать, что мне... – Орлов проглотил наглую выходку.

– Так что ты хочешь сказать мне, раб божий?

– Я, пожалуй, пойду в мортусы! Мне город жалко, людишек... Записывай!

– Кого писать-то? Раба божьего?

– Раб Божий Колобок я – так и пиши! – генерал пристально смотрел на криво ухмыляющегося ему татя, потом медленно кивнул писарю. После решения Колобка все заключённые в тюрьмах согласились на предложение Орлова – все...

По городу, наконец, побрели безликие фигуры, одетых в провощённые мешки мортусов, которые крючьями грузили трупы на телеги и увозили их на специальные чумные погосты.

До сей поры даже некоторые улицы были просто перекрыты баррикадами трупов, и проехать конным по ним было невозможно. Этим пользовались бунтовщики и так могли скрыться от солдат. Теперь же наводить порядок стало проще и мощь регулярной армии уже начала давать о себе знать.

Каждый день солдаты стали уверенно занимать улицу за улицей. За ними шли врачи и монахи, выявляя источники заразы. Дома, в которых были чумные, безжалостно, но аккуратно сжигались, больных собирали на территории госпиталей, организованных за пределами города. Закон начал возвращаться в Москву, и ватаги татей принялись отступать в сожжённые центральные районы, где они могли ещё отбиваться в руинах и на загромождённых мусором улицах. Пришлось даже использовать артиллерию, громя ею завалы.

Здоровых людей размещали по уцелевшим домам, улицы патрулировались солдатами и вооружаемыми местными жителями. Вокруг Москвы были затеяны целых двенадцать специальных кладбищ, где хоронили умерших. Строго была запрещена практика Божьих домов, в которых трупы копились по полгода-год, пересыпаемые льдом.

Москвичи веками создавали дикий ритуал, не желая зимой, которая продолжалась с ноября по апрель, рыть могилы в мёрзлой земле. Услуги могильщиков в такую пору были доступны лишь самым богатым горожанам. Остальные же копили своих мертвецов в таких

³ Мортус – служитель при больных карантинными заболеваниями во время эпидемии.

⁴ Кат – палач (уст.)

заведениях до наступления тепла. А весной выяснялось, что часть покойников не востребована, и установить их родственников не представляется возможным. Таких мёртвых держали в Божьих домах, пока жуткий склад не переполнялся, и потом хоронили их в братских могилах.

Это древняя традиция вызывала приступ дикой злобы у докторов, ибо в подобных условиях эпидемия чумы была абсолютно естественна. Сам Орлов, посетив такое заведение в Марьиной Роще, долго извергал содержимое желудка с жуткими матами, после чего и постановил Божьи дома немедленно закрыть, а трупы похоронить.

Елизар забрался в седло после очередного такого штурма центральных кварталов – он очень устал. За этот месяц, что Луцилин был в Москве, он ни разу не смог заснуть – всё ему виделось горящие дома, изуродованные чумой трупы и запах разлагающейся плоти. Конногвардейцы тронулись в путь к Кремлю, где они теперь размещались.

Пусть сейчас они были в городе не единственными подразделениями, которые занимались наведением порядка – два драгунских полка из армии Румянцева уже присоединились к ним, но работы хватало на всех. Императрица и Наследник своим Указом назначили Григория Орлова ответственным за наведение порядка в Москве, и он стремился скорее вернуть весь город под контроль властей.

Елизар незаметно для себя отстал от своих товарищей. Взгляд его равнодушно скользил по серым стенам домов и по чёрным головням пожарищ, Луцилин равномерно покачивался в седле, и ему даже начинало казаться, что всё это лишь тяжёлый сон.

Вдруг взгляд его споткнулся о какую-то преграду. Он встрепенулся, очнулся от мутной полудрёмы и услышал громкий человеческий голос, раздававшийся чуть в стороне, в переулке. Елизар разглядел, что у ворот подгоревшего, но ещё целого и богатого дома лежит женщина с безжизненным лицом, усыпанным чёрными чумными пятнами, уставившись мёртвыми открытыми глазами в серое небо. А голос вопил, поднимаясь всё выше.

– Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить. И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своём, ни в воровстве своём. И сидит на троне Антихрист и изрыгает он гной из уст своих! И от того гноя плодятся новые язвы, что поражают верных Господу! И если не поразим мы Антихриста, то станем в ряды рабов его... – солдат, наконец, понял смысл слов и бросился в переулок, где увидел тощего оборванного человека, который нацепил на себя явно не по размеру белую фелонь. Он, выкатывая глаза и обильно орошая всё вокруг пеной изо рта, проповедовал десятку изнеможденных людей.

– Ах ты ж... Сквернавец! – Елизар выхватил палаш и, размахивая им, кинулся к людям. Те испуганно прыснули по сторонам, но проскочить мимо взбешённого солдата они не могли, попрятавшись по углам. Проповедник, сверкая бельмами глаз, прикрывался руками и выкрикивал:

– Сатана! Сатана! Слуга Антихристов!

Луцилин размахнулся и кулаком, сжимающим рукоять палаша, аккуратно ударил безумца в висок. Наступила долгожданная тишина. Солдат обернулся и пристально посмотрел на прижавшихся к стенам слушателей одержимого.

– Ты не подумай чего, солдатик! – забулькал дородный старик в когда-то богатом кафтане и слишком большом для его головы рваном колпаке, – Мы живём тут, а он пришёл и кричит! Мы это... Мы ему не поверили!

– Глупцы! Таких, как вы, тоже надо на дознание волочь! Что слушали и не повязали негодяя, который против Бога и Престола злословит! Что яд лживый вам в уши льёт! Ладно, проваливайте! – и устало начал вязать лжепроповедника. Потом, также не глядя на расплзавшихся из переулка горожан, вскинул оказавшееся тяжёлым бесчувственное тело на плечо и потащил его к своей лошади, терпеливо стоявшей на улице. Уже пристроив оборванца и взяв

кобылку под уздцы, Елизар внезапно услышал новый звук. Плакал младенец. Солдат непонимающе завертел головой и понял, что плач шёл из-под тела умершей от чумы женщины.

Как замороженный он оставил лошадь и подошёл к труп. Протянул руки, чтобы перевернуть покойницу, и здесь его просто отшвырнуло от неё.

– Уйди, дурень! Жить надоело, что ли! Не твоё дело тут умирать! – огромный мортус в своём мешке, закрывающим всё тело с головой, смотрел на него тёмными прорезями для глаз. Он сам своим крюком перевернул тело, а из-под него показался живой младенец. – Ух ты! Чудо-то, какое! Живой!

Солдат тоже непонимающе смотрел на здоровенького с виду ребёнка, громко сообщая всем о своём существовании. От его звонкого требовательного крика мир словно раскололся. Серость и равнодушие полумёртвого города уступила жизни. Мортус отбросил крюк, скинул свой страшный мешок, нежно прижал к себе кричащего младенца и решительно сказал:

– Вот дела-то! Понесу его в Ивановский монастырь! Там сёстры и чумных лечат и сирот принимают.

– Колобок? – Елизар узнал изуродованное пытками лицо. Мортус обернулся.

– Нету Колобка больше, солдатик. Нету! – и решительно пошагал по улице.

Эта ночь стала первой, когда Елизар спал.

Глава 2

Я был обязан, несмотря на все несчастья, продолжать работать. Встал вопрос о похоронах Разумовского и Ломоносова. Для меня вариантов не было – такие славные люди, герои отчизны нашей, должны лежать в каком-то общем сакральном месте. Чтобы память их чтилась, и последние почести им оказывались во всём. Всероссийский некрополь был нужен и для того, чтобы у людей верных и способных появился ещё один стимул служить империи, и для того, чтобы поклонение праху великих сынов России стало традицией, укрепляющей государственные устои. Со мной никто не спорил.

Около строящегося Исаакиевского собора была выделена большая площадка, которая в будущем должна была быть полностью расчищена, и где будет организовано кладбище. Пока подготовили только маленький участок, и первыми погребёнными там стали как раз Разумовский и Ломоносов. Похороны нельзя было отложить до полного замирения города, поэтому церемония была далеко не такая, как следовало бы. Но всё-таки там присутствовали сотни людей. Я произнёс слова о любви к Родине и героизме покойных, прочитал последнюю посмертную оду Ломоносова, которая была посвящена великой победе в войне с Турцией, мама, не скрываясь, плакала, многие тоже утирали слёзы.

За что же Господь меня так наказывает? Почему я лишён дорогих и близких мне людей одновременно? Да, Разумовский и Ломоносов были уже немолоды, но почему все вместе? Почему сразу после Маши? Наверное, я бы мог опустить руки, но мама бросила свои дела и почти всё время проводила рядом со мной.

А Потёмкин, он оказался человеком даже лучшим, чем я предполагал. Гришка был безумно влюблён в мою мать, и находиться рядом с ней хотел просто постоянно. А то, что мама жертвовала их временем для меня, Потёмкину было наверняка очень больно и тяжело. Я представлял себе, как он внутри ревновал. Но он был другом, настоящим другом. И Григорий тоже вцепился в меня как клещ и вытягивал из ночного кошмара, что стоял сейчас передо моими глазами.

Нет, я чётко представлял, что могло случиться, если я сейчас начну пить или даже жалеть себя. Это закончилось бы катастрофой. Как лично для меня, так и для государства. Уже слишком многое зависело непосредственно от меня, и мама с Григорием это понимали. Просто говорили со мной, то один, то другой. Я выстоял тогда благодаря им, да Алёше, что повадился приходить ко мне в кабинет каждый вечер. А потом примчался Платон Левшин.

Он был в Москве, тушил пожар московской катастрофы, как её начали называть в обществе. Даже мятеж столичной аристократии померк в сравнении с чумой, хаосом в старой столице и гибелью Марии.

Не дожидаясь ничего и никого, он кинулся в Москву гасить религиозные волнения, спасти наследие своего друга архиепископа Амвросия, убитого там. Смерть Зертис-Каменского для Платона также стала и личной трагедией, тот был одним из его ближайших друзей и сторонников. Амвросий был опорой Платона внутри церкви. Умный, образованный, искренне верующий и почитаемый паствой человек. И сейчас было необходимо любой ценой остановить этот кошмар, то торжество дикого невежества, что захлестнуло Москву. Платон, уже ставший митрополитом Новгородским, тут же отправился в старую столицу со своими лучшими людьми.

Опасность Чумного бунта, как его стали называть, для Церкви была значительно больше, чем любые сложности, приносимые мятежом Паниных. Если в Петербурге решался спор о престоле и, по сути дела, вопросы веры противоборствующими сторонами не затрагивались, то в Москве одной из главных причин катастрофы стали именно проблемы религии. Разжигали огонь бунта в основном как раз проповедники. Замечены были староверы различных течений,

протестанты, какие-то сектанты, чуть ли не язычники, сатанисты, да ещё и радикальные православные священники активно подливали масла в огонь. Недаром первой целью мятежников стал Московский архиепископ, и именно после его гибели порядок в городе был разрушен.

Так что, разбираться надо было серьёзно. И Платон встал во главе церковных властей, и стал той силой, без которой Орлов не смог бы остановить хаос. Но, как только порядок был установлен, Платон сразу вернулся в столицу, пусть и оставив там для следствия и контроля большую группу архиереев и монахов. Он ощущал ответственность за мои чувства и понимал, что мне нужна помощь в осознании и оправдании своих действий, да и вообще, в понимании смысла происходящего.

Через некоторое время я снова почувствовал вкус к жизни. Мы говорили каждый день, Платон рассказывал о святых, которые через свою личную боль и трагедию тащили ярмо, что вручил им Господь. Ведь Он даёт только тот крест, который ты можешь нести.

Увидев наши проблемы, Священная Римская империя и Пруссия, подталкиваемые Францией, попытались прощупать почву в отношении раздела Польши, но Румянцев тут же начал изображать подготовку к военным действиям, польское войско тоже встрепелось, и всё рассосалось. Не испытывали наши соседи, даже за французские субсидии, особого желания столкнуться с победоносными и верными престолу русскими войсками, которых должна была поддержать ещё и польская армия, только что успешно подавившая восстание на своей территории.

Из Москвы приехал Маврокордат-старший. Чума и бунт лишили его детей: моя Маша умерла от страшной болезни, а сын и наследник Александр погиб в схватке с погромщиками. Несчастный старик с перевязанной головой, с потухшим взором и серым лицом, вошёл ко мне тяжёлой шаркающей походкой. Как он отличался от того энергичного ещё не старого человека, что я знал до этого.

Маврокодат напоминал мне о счастье, которого я лишился. Я одновременно хотел бежать и от него, и к нему – забыть, но не забывать! Слезы выступили у меня из глаз, я всё же бросился к нему, обнял. Он крепился несколько секунд, а потом разрыдался на моём плече. Что я – совсем молодой человек, который ещё может полюбить и найти своё счастье. А он – старик, потерявший всё: и положение, и средства, и семью. Куда ему-то податься? В монастырь?

– Ваше Высочество! Я виноват во всём! Я не уберёг супругу Вашу...

– Не надо так говорить, Константин Николаевич! Как Вы могли остановить чуму? Что Вы? Вы потеряли любимую дочь и единственного сына! Я нисколько Вас не виню! Что Вы?!

– Я прошу Вас дать мне разрешение удалиться в монастырь...

– Нет, что Вы говорите, Константин Николаевич! Вы, который был прекрасным отцом моей любимой жены, который столько сделал для нашего счастья и нашего государства! Я не могу дать Вам такого дозволения! Не могу! Когда я вижу Вас, я вспоминаю свою любимую, с которой я должен был пройти через жизнь, но воля Божия...

Нет, положительно, если Вы найдёте в себе хоть какие-то силы – я прошу Вас оставаться рядом со мной! Вы нужны мне и как родной человек – Вы всегда останетесь для меня родным! И как советник при мне! Вы обладаете опытом, которого у меня нет. Вы умны, и при этом я могу доверять Вам свою жизнь, дорогой тесть! Прошу Вас!

Я уговорил его! Похоже, именно поддержка и цель в жизни были нужны старику, и он нашёл всё это у меня. Вот, я ещё раз убедился, что работа – лучшее лекарство от душевной боли. Маврокордат оказал нам помощь, которая стала крайне своевременной. Он через свои связи смог организовать воздействие на власти Священной Римской империи, дабы убедить их не связываться с Россией. И именно факт резкого снижения активности австрийцев заставил и Пруссию задуматься о перспективах остаться с Россией с глазу на глаз.

– Фриц, мне кажется, что это авантюра!

– Нет, Генрих! Я вижу в этом путь к величию Пруссии! – король Фридрих, прозванный Великим, бегал по своему кабинету в Сан-Суси⁵ и размахивал руками. Его брат Генрих принц Прусский⁶ сидел в кресле и некоторой иронией поглядывал на своего венценосного родственника.

– Но, подожди, Фриц, ты не можешь быть уверен в австрийцах, у меня есть информация, что они тайно ведут переговоры с русскими, вроде бы о получении ими Валахии и Сербии от турок. Это будет им сильно выгоднее, чем воевать с поляками и русскими, даже в союзе с нами. Риск оказаться *tete-a-tete*⁷ с русским медведем слишком велик.

– Но Кауниц⁸ нас уверяет, что это лишь слухи!

– Ты веришь этому хорьку, братец?

– Нисколько! Но Королевская Пруссия⁹ и Данциг будут украшением нашего королевства!

– Фриц, не спеши! Что там твой маленький Пауль?

– Он безмерно уважает меня и предан мне больше даже чем его отец! Но его жестокая мать! Она вбила Паулю в голову уважение к себе, и он не может найти в себе силы свернуть власть этой русской Мессалины¹⁰! Эта убийца собственного мужа держит своего сына под полным контролем, и он может только информировать меня о её намерениях, но повлиять на них не в состоянии!

– И что сообщает, твой информатор?

– Его матушка, безусловно, собирается драться, не допуская мысли выпустить из своих когтей Польшу и своего бывшего любовника¹¹!

– Успокойся, Фриц, а как здоровье Марии-Терезии¹² и Екатерины?

– При чём здесь это? – Фридрих уже не бегал, а устало ходил по комнате – возраст брал своё, ему как-никак шёл седьмой десяток.

– А при том, что если одной из этих особ не станет, то нам придётся иметь дело с их наследниками. А твой преданный друг Пауль...

– О да, братец! Он нам даст не только Польшу, но и всю Империю! Императрица России сейчас очень увлечена каким-то Потёмкиным, но она часто болеет и много проводит времени в загородном дворце! А Мария-Терезия уже старая, а её сынок грезит безумными реформами, что очень непопулярны даже в самой Австрии!

– И ты, Фриц, сможешь воспользоваться этим и захватить Империю даже без особого сопротивления!

– О да... – старый Фридрих в задумчивости опустил в кресло рядом со своим братом.

Дядюшка Фриц, будучи очень хитрым персонажем, уже поистратившим бóльшую часть авантюризма, в одиночку связываться с Румянцевым не захотел. При этом прусский король

⁵ Сан-Суси – дворец Фридриха Великого в Потсдаме.

⁶ Генрих Прусский – Фридрих Генрих Людвиг Прусский (1726-1802) – младший брат Фридриха Великого, один из лучших полководцев XVIII в.

⁷ Tete-a-tete – с глазу на глаз (фр.)

⁸ Кауниц – Венцель Антон Доминик Кауниц-Ритберг (1711–1794) – выдающийся австрийский государственный деятель. Отвечал за внешние сношения Великой Римской империи.

⁹ Королевская Пруссия – польская часть Пруссии, с крупнейшим городом Гданьском (Данцигом).

¹⁰ Мессалина – Валерия Мессалина (17-48) – третья жена Римского императора Клавдия, распутство и властолюбие которой вошло в легенды

¹¹ Король Польши Станислав II Август Понятовский имел бурный роман с Екатериной II в 1756–1758 гг.

¹² Мария Терезия (1717–1780) – эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии и Богемии. Старшая дочь и наследница императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга. Жена императора Франца I и мать императора Иосифа II. Фактическая правительница Священной Римской империи.

желал выглядеть не завоевателем, а скорее чуть ли не посредником между двумя империями, в том числе и для сохранения авторитета у меня лично.

Фридрих Великий по-прежнему находился в приятной уверенности, что он для меня является высочайшим авторитетом, и Россия при моём правлении будет таскать для него каштаны из огня, а пока я нахожусь в зависимости от своей жёсткой и властной мамы. Но вот, вскоре, настанет время, когда он всего добьётся и без войны! И уж лишать его этой уверенности я точно не собирался.

Меж тем, следствие шло и шло, вовлекая в свои тенеты всё новых и новых персонажей. Заговор оказался более разветвлённым, чем мы видели, чем планировали. Для меня, а особенно для мамы, это было тяжело и даже страшно, но сдаваться было поздно.

В Риге, в начале мятежа, мои агенты схватили прибывшего туда по дороге из-за границы графа Александра Строганова – бывшего зятя моей драгоценной тётушки Анны Карловны Воронцовой. Он был активным участником заговора – ну и Бог бы с ним, небольшая фигура. Но, оказалось, что граф выступал в качестве не просто участника или даже одного из руководителей мятежа, а эмиссара зарубежных сил. При нём обнаружили более трёх миллионов гульденов золотом, которые он получил не только от французов, что было вполне ожидаемо, но и от англичан.

Этот хитрый мерзавец убедил сначала французов выделить деньги на заговор в их пользу, а потом ещё и англичан в полезности сего комплота уже для них. Это была очень значительная сумма, и если бы он привёз эти средства вовремя, то, возможно, такое развитие событий также могло завершиться для нас катастрофой. Деньги смогли бы убедить многих колеблющихся. Но он опоздал.

Хорошо, мы предполагали, что французы мимо такого заговора точно не пройдут, но англичане – наши союзники! Пусть они и дали существенно меньше, чем лягушатники, но всё-таки дали! Вот это афишировать пока точно не стоило. Такая правда, ставшая общеизвестной, может подорвать наши отношения с ними, а Англия – сейчас главный союзник России в Европе.

А сам Строганов – очень интересная фигура, если уж смог запудрить мозги первым лицам двух крупнейших европейских держав, убедив доверить ему очень большие деньги, причём они не узнали, что он доил их обоих – вечных антиподов европейской политики. Придушить бы такого ухаля втихую, но нельзя – талант! Надо придумать, как его использовать, так, чтобы ещё самому на его крючок не попасть...

Практически физическую боль мне причинила измена человека, которому я уже привык доверять, которого я считал своим другом – одного из моих янычар – Андрея Разумовского. Конечно, во время войны наш дружеский кружок близко не общался, но переписывался активно! Мы делились впечатлениями и мечтами. Николай Шереметев тогда изучал за границей финансы, Андрей воевал при Чесме, а Саша Куракин должен был пойти по дипломатической службе. К началу мятежа они вернулись в столицу, и я их предупреждал о грядущих событиях, давал им инструкции...

Шереметев играл роль стороннего наблюдателя, слишком осторожного, чтобы участвовать в мятеже, но готового принять его итоги. Николай должен был наблюдать за настроениями в обществе и информировать меня. Но сдержаться не смог и всё-таки вышел на защиту Зимнего. Куракину досталась самая сложная роль – наблюдать за родственниками – Паниными. Информировать нас об их планах и делать вид, что он участник заговора. А вот Разумовский... Он был самым горячим из нас, к тому же воевал, и я его не наделял особыми задачами, берёг. А Андрей присоединился к заговору, причём участвовал в боях и оказался последним, кого смогли выловить в лесах солдаты.

Что это было? Зачем? Кирилл Разумовский оббивал наши с мамой пороги, прося за непутёвого отпрыска, который пошёл ещё и против его воли. К чему всё это было нужно Андрею, никто не мог понять. Я велел его пока подержать в Шлиссельбурге и не допрашивать, желая сделать это потом собственноручно.

Для мамы личной проблемой, близкой к трагедии, стала измена её бывшего любовника, braveго офицера, braveго в Семилетнюю войну Берлин, человека, которому она безгранично доверяла, главы военной коллегии – генерал-аншефа Чернышёва. Захар Григорьевич оказался в центре заговора, а вместе с ним в мятеже участвовали и его два брата.

Мама категорически дистанцировалась от расследования дела Чернышёвых, и я её понимал – конечно, сложно изучать место в заговоре против тебя людей, которым ты полностью доверял, на чью преданность ты надеялся. Мне самому это было неприятно, ведь глава военной коллегии по моим планам должен был быть опорой армейских реформ, а брат его Иван был неплохим управителем флота нашего. Печально.

Чернышёвы были заточены в крепость, однако старший, Пётр, был болен, и я отправил его под домашний арест, где он и скончался, не дождавшись приговора. Я общался с ними, пытаясь понять причины измены столь близких трону людей. М-да, крайне неприятная была обязанность...

Пришлось заняться и делом бывшего генерал-кригскомиссара Глебова. Означенный персонаж был мною отодвинут от дел армейских, но об открытии нами его махинаций ему не сообщали – слишком уж интересны были его связи с иностранными дипломатами. Оказалось, что они есть, и в избытке.

За ним следили почти год. Аарон Лейбович привозил ему мешки с золотом, правда, его было значительно меньше, чем они договаривались – всё-таки основные поставки продовольствия в армию давно уже шли через меня, но Глебов особенно не давил. Мы хотели выяснить, куда он эти средства пристроит, но долго не могли понять. Пока люди Пономарёва не смогли заинтересовать в сотрудничестве камердинера английского посла, после чего мы выяснили, что именно посол был посредником в переводе средств генерал-кригскомиссара в английские банки.

Экий мерзавец, он уворованные деньги прятал за рубежом! Прямо знакомым духом будущей России на меня пахнуло! Но мы продолжили слежку и выяснили, что не только его средства уходили через посла – наш Глебов тоже был посредником. Он собирал деньги знакомых сановников, которые по положению своему не могли просто выехать за рубеж, и размещал их за границей. Целую сеть вскрыли. В крепость они попали одновременно с заговорщиками, но не вместе с ними – нечего наглых казнокрадов путать с мятежниками. Пока мы их принуждали вернуть выведенные средства домой, а суд – потом, не к спеху.

Братья Орловы приехали ко мне просить за Григория. Прибыли все вчетвером. Мама не хотела обсуждать судьбу своего бывшего фаворита категорически, передав эту функцию мне, заявив, что я могу делать с ним всё, что хочу – хоть казнить, хоть миловать. Так что аудиенцию я им давал единолично, и не в кабинете, а в тронном зале. Выстроились они в ряд, по ранжиру слева направо: Иван, Алексей, Фёдор и Владимир. Я начал первым и просто:

– Знаю, зачем явились! Знаю! За Гришеньку просить, братца своего! Знаю, что не он сам придумал в Москву мчаться – спасать, порядок наводить! Знаю! И о чём просить пришли тоже знаю – простить его! Так что – вот ответ вам мой! Конечно, прошу я его! Довольны? – на удивление голос подал не старший – Иван, а Алексей:

– Государь-батюшка, Павел Петрович! Не с этим мы приехали! Григорий слёзно молит не его простить, а тех гвардейцев, коих он на измену подбил, в блуд ввёл, вынудил от присяги отступить, а сам он готов ответить за предательство своё. Солдаты же грех свой искупили – с

моровой язвой и бунтом бесстрашно сражались и победили, страх смертный преодолел! – вот здесь я, признаться, даже опешил.

– Вот оно как! Гвардейцев просит простить! – я встал с трона и начал в задумчивости расхаживать по зале. А братья стояли, молча, смотрели на меня, и в глазах я их не видел гнева, ненависти и даже мольбы, они смотрели спокойно и прямо. Я, конечно, давно решил простить Григория, но вот то, что он будет так заботиться о своих солдатах и готов будет пойти ради них на плаху... Это меня поразило, причём поразило приятно. Наконец, я остановился, посмотрел на них и сказал:

– Счастлив я за государство наше, кое сынов таких имеет как братья Орловы! – удивление отразилось на их лицах, но я не дал им времени, – Я горд тем, что стоите вы передо мной и просите не за брата своего, а за солдат его! Конечно, я прощу им, ибо подвиг их велик и славен. И солдат, и брата вашего, и вас самих прощу, ибо хоть вы сами в бунте участия не принимали, но и Григория не удержали от столь опрометчивых дел. Слушайте решение моё: брата вашего и солдат с ним пошедших прощаю, но освободить от наказания не могу! Ибо даст это надежду слишком многим, кои сию надежду получить не должны!

Поэтому велю брату вашему удалиться в поместья свои и там прибывать. Гвардейцы же тоже получают наказание по грехам и заслугам их, однако лишены чинов и имущества они не будут. Со службы никого не отпущу, а отправлю на должность туда, куда будет нужно для империи. Вас же, братьев Орловых, тоже от себя не отпускаю! Служить будете России, пока силы у вас есть!

Голос подал младший Орлов – Владимир: – Что же это выходит, Ваше Императорское Высочество, ты хочешь нас братом к себе привязать, в аманаты¹³ его берёшь?!

– Что?! – не выдержал я, сорвался я на крик, – К себе? Ты что, вина перепил, глупец! Тебе что, пятнадцать лет? А вы, что, также думаете? Вы что мальцы, которые чести не знают? Одну гнилую гордость в себе носите?! – Иван поднял глаза на меня и произнёс:

– Простите, Ваше Императорское Высочество, брата нашего младшего! Молод он ещё, горяч и глуп беспримерно!

– Угу... Где же я таких орлов-то ещё найду! Нужны вы, все четверо нужны! Не столько мне, сколько отчизне нашей! Даже Гришенька ваш дело себе найти должен! Хоть картошку растить, хоть лошадок разводить, хоть стволы ружейные сверлить – пусть пока сам решает! Вот когда решит – пусть приходит, в аудиенции не откажу! – они поняли, что гнев мой иссяк, казнить я их не собираюсь, начали улыбаться. – Вы все четверо нужны! Люди вы умные, храбрые, образованные – не мне вы нужны – империи! Находиться в Петербурге велю. Мы с императрицей решим, куда вас отправить, где вы всего способнее служить России будете.

Те поклонились.

– Ступайте!

В заговоре участвовало слишком много людей, пришлось напрячься даже для их размещения. Солдат, участвовавших в заговоре, содержали в казармах Петербурга, главарей и активных сторонников мятежа заключили в крепость. А вот основная масса участников из дворянского сословия просто находилась в поместьях, ожидая решения власти.

Тяжело было читать дела заговорщиков, участвовать в допросах, говорить с их родственниками, пришедшими просить за них. Хорошо, что не на одного меня всё ложилось – мама тоже тащила свой воз. Плакала вечерами. Тяжело поверить, что люди, которым доверяешь, на которых возлагаешь надежды, могут предать, тяжело... Потёмкин рвался на части, участвуя в расследовании, занимаясь управлением и успокаивая маму. Сам я ему не давался, ему и так тяжело, а я просто должен всё это выдержать.

¹³ Аманат – заложник (уст.)

Но вот когда в заговор оказались вовлечены два старших сына Румянцева, а младший знал об этом, но не противился, вот здесь был удар. Если бы фельдмаршал присоединился к заговору, то ситуацию мы уже вряд ли удержали. Оказалось, всё висело на волоске, в то время как я был уверен, что всё просчитано. И мы действительно бы получили то, о чём мечтали наши враги.

Пришлось бросить дела и поехать на встречу к Румянцеву. Надо было расставить точки над *i*. Фельдмаршал сейчас мотался между Малороссией и Польшей – армия должна была демонстрировать полную готовность, чтобы отбить желание у наших западных соседей пощупать наше мягкое подбрюшье – Польшу. Встретились в Киеве.

Румянцев, к его чести, даже не попытался вступить за отпрысков. Победоносный полководец лишь сказал мне, что верен престолу, а изменники должны быть наказаны вне зависимости от чинов и родственных чувств. Он был уставшим и опустошённым.

– Пётр Александрович! – начал я наш разговор, – Как же так? Как же?

– Простите меня Павел Петрович! Простите Ваше Императорское Высочество! Не знал я! Не ведал!

– Как же так? Пётр Александрович! Я не могу... – оказалось, что мне держать себя в руках было ещё очень сложно, да и ему тоже.

В конце концов, мы оба, почти рыдая, раскрыли друг другу свои объятья. Он, с трудом сдерживаясь, бормотал:

– Ведь кровинушки мои! Ведь такие дураки! Господи! За что мне такое!

Я тоже только и мог повторять:

– Как же так, Пётр Александрович, как же так?

На том мы и расстались, не в состоянии продолжать разговор нормально. Продолжение настало на следующий день. Немного придя в себя, мы вернулись к обсуждению перспектив.

– Пётр Александрович! Вы же понимаете, что этот нарыв уже вскрыт, а теперь нам надо понять, как же нам жить дальше. Вам хорошо известно, дорогбй друг, что, дворяне заняли неподобающее им место в государстве, и начали пытаться подменить уже и власть царскую. Некоторые из них взяли на себя ещё больше, и пусть по недомыслию, но разрушили моё личное счастье. А главное: они пытались убить мою мать! Вы знаете, что всё это значит для меня слишком много! – он смотрел на меня понимающе, и, казалось, хотел сказать мне – «Ты же сам! Сам всё это затеял!».

Он много знал, ещё о большем догадывался. И теперь задача состояла в том, чтобы убедить его в моей правоте и моральном праве переворачивать жизнь в стране! Не приказать – нет. Он, конечно, выполнил бы моё распоряжение, но ему надо будет убеждать своих подчинённых, а вот здесь одной команды может быть недостаточно. Для решения проблемы мне требовалось именно убедить его в своей правоте, дать ему нужные аргументы.

Я начал ему рассказывать о том, что будет в государстве, если мы его не изменим. Как мы с каждым годом будем отставать от Европы, и отставать всё больше и больше. Как во Франции и Англии копяты силы, которые скоро взорвут мир и захлестнут нас безудержной волной! Армии в Европе растут как на дрожжах, а для нас даже турецкая война оказалась почти непосильной. Мы могли потерять всё, надорваться, и государство наше погибло бы. Такого напряжения, как было при Петре, мы бы сейчас уже не выдержали. Чем бы это закончилось? В лучшем случае новой смутой! Мне кажется, что я его убедил. Фельдмаршал согласился со мной.

А уж когда я перешёл к вопросу награждения армии, Румянцев окончательно расцвёл. Оказалось, что он много думал и изложил мне ряд предложений по методам награждения армии без напряжения государственной казны и свой, пусть и пока недостаточно подготовленный, анализ военной ситуации и проблем в управлении на местах, в том числе в Малороссии, и вновь присоединённые земли, включая Молдавию.

Его идеи о поощрении армии надо было обсудить и уже начать действия в этом направлении – долго тянуть с этим было никак нельзя, ибо далеко не все в армии были довольны происходящим, а ещё больше будут недовольны дальнейшими изменениями. В части же управления территориями, по его мнению, никаких радикальных шагов делать сейчас просто невозможно, ибо вызовет масштабные бунты, которые для нас недопустимы.

Что же, это совпадало с моими мыслями. Даже Малороссия сегодня была фактически другая страна, и в этом мы были виноваты исключительно сами. Русские правители много лет занимались делами воинскими, пренебрегая гражданским управлением. Мы наслаждались победами, а в административные вопросы толком не вникали, позволяя местным нобилиям жить практически отдельно от всей страны и наслаждаться, возникшими от такого положения дел, преимуществами. Да, вопрос был сложный, но не настолько, чтобы создавать здесь хаос, лишь бы не решать его.

Итак, очевидно, что мы не могли сейчас без раздумий интегрировать Малороссию в империю, а значит и со степными территориями и Молдавией тоже вопрос просто не закрыть. Однако у фельдмаршала был план, и теперь нам требовалось всё совместно разложить по полочкам и начать реализовывать.

Я привлёк для этого Теплова, который был сведущ в делах малороссийских, для него это было любимое дитя, и он умел отлично переводить мысли в чёткие планы и документы. Мы составили проект изменений Малороссии и Новых земель на восемь лет. Мне казалось, что так было нужно. Маме даже не пришлось что-то доказывать – она согласилась.

И уже после всего этого Румянцев снова запросил аудиенции и, наконец, умолил меня вмешаться в судьбу своих сыновей.

– Ваше Императорское Высочество, я прошу Вас облегчить страдания детей моих и меня старого! Недостойны они, но всё-таки – они дети мои! – обижать фельдмаршала я никак не мог, но и прощать бунтовщиков тоже было решительно невозможно.

– Пётр Александрович! Как вы думаете, я уважаю Вас? Считаете ли Вы себя другом и единомышленником моим?

– Я счастлив, Ваше Императорское Высочество, что мне дарована привилегия, считать себя Вашим другом. Вы не раз и словами и действиями своими показывали мне это!

– Верите ли Вы мне, Пётр Александрович, что мне очень больно содержать детей Ваших в крепости?

– Безусловно, верю, Ваше Императорское Высочество! Но моя боль, боль отца значительно...

– Неужели Вы думаете, драгоценный мой Пётр Александрович, что они не дети мои?! Поверьте мне, Пётр Александрович, все подданные империи Российской – дети мои! И ко всем им я отношусь с любовью поистине отеческой и заботой родительской! И мне больно вдвойне, что дети Ваши, человека мною любимого и уважаемого, оказались в такой мерзкой истории! – я произнёс всё это с искренним надрывом и вынужден был остановиться и выпить воды, чтобы успокоиться.

– Давайте без обиняков, Пётр Александрович! Вы понимаете, что я очень хочу простить их, но как это отразится на других моих подданных? Не примут ли они это за знак слабости и дозволенности преступлений? Где же закон тут? Одно самодурство... Как они мне верить будут дальше? Да и Вам тоже...

– Я не знаю Павел Петрович! Не знаю... Но прошу! Нету у меня больше никого, кто род мой продолжит и старость мою поддержит!

– Полно, душа моя, полно! Неужто Вы думаете, что я не понимаю сложности положения? Но в любом случае будьте уверены, что уж старость-то ваша не пройдёт без моей личной поддержки! – я расхаживал по кабинету, заложив руки за спину и низко склонив голову. – Пётр Александрович! Я должен их наказать! Должен! Закон и справедливость обязаны торжество-

вать в государстве нашем! Поверьте мне, Пётр Александрович, что наказание будет суровым, но справедливым! Они ведь не участвовали в убийствах и не призывали к бунту своих подчинённых! Так что казни не будет! Каторги тоже! Да, они будут наказаны! Но я надеюсь, что обида за это не ляжет тяжким грузом на нашу дружбу и их верность в будущем!

– Но что грозит крови моей, Ваше Императорское Высочество? – молил меня страдающий фельдмаршал.

– Подождите немного, Пётр Александрович! – попросил я его в ответ, – Я ещё подумаю над наказанием, но пока мыслю направить их в провинции наши восточные для службы государственной. Пусть там они докажут способности свои и верность свою!

– Благодарю Вас, Ваше Императорское Высочество!

– Только прошу Вас, не оглашать всё сказанное здесь до поры официальной публикации! Всем участникам заговора, вольным и невольным, наказание будет объявлено одновременно! И публично! Успокойте супругу Вашу, но прошу, не сообщайте пока даже ей моё решение. Дети же Ваши пусть посидят в крепости! Пусть почувствуют наказание за глупость свою, дабы впредь в таком деле не участвовали, ни по наивности юности, ни под влиянием людей других, даже ими уважаемыми и любимыми в будущем!

– Я Вас понял, Ваше Императорское Высочество!

– Участники мятежа будут лишены имущества, но они дети Ваши, а отнимать средства у Вашей семьи было бы верхом несправедливости, хотя по чести и Ваша вина есть в глупости их.

– Не уследил...

– Да, не уследили, ибо служба России на первом месте у Вас перед семьёй и детьми всегда была, и корить Вас за это никто не решится! И теперь я постараюсь дать Вашим детям самостоятельность, Пётр Александрович! Чтобы в своей службе к Вашему покровительству и покровительству семьи Вашей обратиться они не могли. За советом, да и только!

– Благодарю Вас, Ваше Императорское Высочество! Для детей своих ничего больше просить не могу! – он встал, оправил мундир и поклонился мне.

– Не стоит благодарности, Пётр Александрович! Вы соратник мой и верный слуга отечества! – я обнял его на прощание.

Надо было скорее возвращаться, дел в столице было великое множество. По дороге домой я смог найти в себе силы захватить в Москву, на могилку Маши. Её похоронили возле Новодевичьего монастыря, тогда невозможно было организовать нормальное и уж, тем более, торжественное погребение, а сейчас уж смысла не было. Я погоревал о любимой. Снег, белый-белый. Благостно так. Маше здесь, наверно, хорошо – красоту природы она любила.

А вот город был чёрный, пожары его не пощадили. Весь центр Москвы был разрушен. Жуткий контраст белого снега и чёрных домов, даже стены Кремля были закопчённые. Еропкин, которому и доверили восстановление порядка в городе, тоже был в копоти. Он хоть и пытался предстать передо мной в самом лучшем виде, но не смог проехать мимо замеченного беспорядка. Да, человек на своём месте сейчас.

А следствие по Московскому бунту вёл официально князь Вяземский. Ему подчинялась Тайная канцелярия, пусть её бывший руководитель Шешковский сидел в Петропавловской крепости, будучи активным участником переворота, но вот структура, перешедшая под контроль Пономарёва, работала. Сам Вяземский оставался в Петербурге, а во главе расследования фактически встал один из стариков-разбойников – Афанасий Метельский.

Его все звали дядькой Панасом, тихий такой, небольшой, седой. А его татары ещё мальцом угнали в рабство, потом в Венеции на галерах был, бежал, через Далмацию, Империю и Польшу пробирался пять лет на родину. О нём легенды ходили в Сечи, уж крови-то он повидал и пролил реки, но вот никого здесь до смерти не запытал – обет дал и блюл его строго. А вместе с ним работал отец Зосима – монах из Высоцкого монастыря.

Уж его-то я хорошо знал лично – Зосима со мной и в Яицком городке был, и у калмыков. Умный, хитрый и харизматичный – явно ему архиерейская стезя светила. Он был из калужских мелких дворян, но очень способный и настырный, всю молодость провёл в Европе, даже католичество принимал и в Римской иезуитской коллегии учился, а потом всё-таки домой захотел. Вот здесь монашество принял, но его католическое и даже иезуитское прошлое серьёзно затрудняло путь наверх. Но Платон его заметил, и теперь Зосима был его правой рукой, фактически он был главой спецслужбы церкви. Мы с Платоном давно обсуждали, что у католиков и иезуиты есть и доминиканцы, а у нас так вообще никого нет. Так Платон нашёл человека, который в силах такое создать.

Щепин тоже был в городе. Кому ещё мог я доверить следствие по чуме? Надо было всё выяснить, понять, как так получилось, что мы узнали о моровой язве только тогда, когда она выплеснулась на улицы.

Так что, в части расследования всё было под контролем, но пока люди работали, и результата ещё не было.

В столице следователи тоже ещё не завершили своей работы, открывая всё новые и новые детали заговора, но материалы по отдельным участникам поступали постоянно. Мы условились с мамой не выносить приговор без обсуждения и общего решения, благо серьёзных споров у нас не возникало. Наказаны должны были быть все участники заговора, но кара для каждого из них их не могла быть одинаковой.

Глава 3

По моему возвращению мы, наконец, начали проводить реформы, ради которых нами и всё и затевалось. Были выпущены Манифесты Правящих особ «О дворянах», «Об Имперском кабинете» и «О награждении армии», одновременно с ними указ о роспуске на вечные времена всех гвардейских полков с запретом на использование когда-либо их наименований за предательство, измену и попытку цареубийства.

Манифест «О дворянах» предусматривал обязательность табели о рангах¹⁴ и отмену вольности дворянской, в части свободы от службы и обучения. Определялась необходимая служба всякого благородного человека в армии на протяжении десяти лет, причём она могла прерываться однократно на срок не более пяти лет, однако в случае войны каждый дворянин обязан был явиться в соответствующий полк. Возобновлялся запрет на отъезд за границу без разрешения.

Вводилось понятие инфляции дворянского положения, которая применялось к лицам благородным от службы уклонившимся, то есть такой человек, отказавшийся идти в крючкотворы или военные, из сословия выбывал и лишался земель. Неучёный недоросль не мог уже поступить на службу офицером или чиновником, только солдатом. Состояние потомственного дворянства теперь ограничивалось всего лишь двумя коленами в роду, а потом, если и второе поколение благородной семьи не достигало чинов, достаточных для получения этого статуса, то их дети уже становились только дворянами личными.

Всё это существенно дополняло табель о рангах. Мне казалось странным, что петровский перечень чинов вводит ясную систему поощрения, но не упоминает наказание, а это убирает из его основы половину стимулирующего эффекта. К тому же последствия отказа от службы теперь были полностью прописаны.

Манифест «О награждении армии» даровал армейским офицерам и генералам обширные земли на новых территориях, которых было достаточно, чтобы удовлетворить их аппетиты. Переселенцы в этих местностях должны были оседать на землях новоявленных помещиков уже на современных основаниях. Чтобы не вызвать обиды в армии, на которую мы сейчас опирались, следовало, конечно, обеспечить поток крестьян быстро и масштабно. Но всё-таки мы получали время.

Снести напрочь существующую социальную структуру и начать строить новую было очень соблазнительно, но совершенно безумно. Полностью исключить дворян из общественной жизни, сослать их за мятеж, означало бы остаться без образованных людей в принципе, да и опереться для такой пертурбации в государстве было решительно не на кого.

Армия этого не поддержала бы: офицеры – по происхождению дворяне, их родственники, да и они сами были частью сложившейся системы. Убедить их в своей правоте, уговорить отказаться от привычного достатка и ценностей? Полноте, такое невозможно!

Революции мы сделать бы не смогли без последующей Гражданской войны, а большая междоусобица в таких условиях окружающей действительности могла привести только к верной гибели государства и большинства населения – соседи порвут нас на лоскуты. Даже та Гражданская война, что была в той, моей, реальности, после тяжелейшей Мировой бойни на фоне крайней усталости европейских стран от кровопролития и нежелании их воевать, вызвало масштабные интервенции и потери многих окраин. А сейчас это было сильно страшнее – нравы-то дикие. Больно себе представить, что придётся снова оказаться на осколках, а может и просто всё погубить. Нет, только медленно и аккуратно.

¹⁴ Табель о рангах – таблица соответствия военных, гражданских и придворных чинов Российской империи, введённая Петром I. Табелью определялись чёткий порядок карьерного роста, а также получения личного и потомственного дворянства.

Сейчас надо вывести из игры наиболее радикальную часть дворян, дать больше воли крестьянам, запустить промышленность, а для этого надо подкупить армию. Да, пройдет немного времени, и дворяне, а особенно их богатейшая часть придёт в себя и снова начнёт выдавливать привилегии, но, надеюсь, к тому времени мы уже найдём дополнительные опоры.

Сенат же ликвидировался, ибо многие члены его оказались среди бунтовщиков, и заменялся Имперским кабинетом, с переводом служащих, дабы не нарушать управление империей. Вариантов пока особых не было, нам нужна была самодержавная власть без ограничений, даже слабеньких. Чтобы не путаться, существовавший со времён Петра, Императорский кабинет преобразовывался в Императорский приказ.

Общество, однако же, всё ещё боялось худшего. В дворянской среде империи царил ужас перед грядущим. Наследник потерял в кошмаре бунта жену, своего близкого друга графа Разумовского и может начать рубить головы недовольным, Императрица же жестока изначально и ранее её останавливал только добрый нрав Наследника. Не дай бог чем-то спровоцировать их гнев!

На этом фоне, дворянские бунты, которых мы опасались, отменяя вольности, были весьма незначительны – боясь окончательно потерять милость Престола, дворяне сидели тихо-тихо и молились, чтобы всё успокоилось само собой. Для подавления этих волнений даже не требовалось посылать войска, всё затухало под нажимом соседей, которые боялись не только и не столько верховной власти, сколько крестьянских бунтов, что, возможно, уже не будут гаситься войсками.

Да и пока меры властей, по мнению большинства, походили на действия Петра I по отношению к стрелецким полкам, что ещё не стёрлись в памяти. Так что до сих пор обществом всё воспринималось вполне с пониманием. Все ждали продолжения.

И оно последовало. В целом, структура заговора и зачинщики были ясны, оставалось разобраться с прочими участниками. Тянуть же с наказанием для виновных в убийствах и грабежах смысла не было. Так что в марте 1773 г. приговор им был вынесен.

Бывший подпоручик Афанасьев, не отрываясь, смотрел в узенькое, под самым потолком окошко в своей камере. Через него был виден краешек серого Санкт-Петербургского неба. Афанасьев очень хотел рассмотреть в окне пролетающую птицу, почему-то ему казалось, что если он её заметит, то в его жизни ещё может случиться что-нибудь хорошее.

За своей спиной он чувствовал присутствие священника, который уже исповедовал его и причастил перед предстоящей казнью. Что тот ждал ещё от него, Афанасьев не понимал и, не обращая на попа внимания, пристально смотрел в небо. В голове стучало, только мысли о смерти роились как рой злобных пчёл. Хотелось выть, но воздуха в груди на это уже не хватало.

Как же так произошло? Как же его блестящая карьера гвардейского офицера может так окончиться? Его рвение к службе, его молодечество и желание выбиться в вельможи не способно быть так отмечено! Почему казнь? Понять не мог. Как же так, он всё поставил на карту Паниных, убивал ради них, много и бездумно? Как же он ошибся? Он же раньше никогда не ошибался!

Сын мелкопоместного дворянина из-под Волоколамска, Афанасьев лестью, хитростью и точным расчётом добился места в гвардии – только чтобы родителей мочь содержать! Доходов от двух занюханных деревенок едва хватало, чтобы сводить концы с концами, а они-то уже старенькие! Поймал же удачу за хвост – замечен был самим Петром Паниным за свой волчий азарт в деле мятежном! Ну, не мог их замысел закончиться неудачей! Не мог!

Весь этот кошмар мнится ему только – вот птица пролетит в окне и проснётся он! Глядишь, в отчем доме он глаза откроет, горничная Глаша позовёт его к столу, а там соберутся все и дядя Илларион приедет с тётушкой Агафьей и кузиной Еленой...

– Сын мой, есть ли тебе, что ещё сказать мне? – вырвал его скрипучий голос священника из мира фантазий. Больно так вырвал, словно уже петля захлестнулась вокруг шеи и дёрнула.

– Что? Нет, идите! – и снова уставился в окно, надеясь вернуть эту сладостно-убаюкивающую мысль, узник. Священник горестно покачал головой, посмотрел с сожалением на приговорённого к смерти и вышел. «Как же такой молодой и красивый офицер столько людей умучил? Господь милостив, может, простит он ему, глупому?» – думал подпоручик, но сам уже в это не верил.

А Афанасьев прилёг и попытался заснуть, но сон не шёл. Стояли перед глазами мертвецы – люди, которых он убил. Много их так... Сам не ведал уж сколько – убивал, не думая, всё во имя славы и победы, знакомые и незнакомые. А впереди всех Борис Евстафьев – дружок же, пили вместе, мечтали. А он его, походя, в спину заколол, как негодяй какой. А кто же он ещё после этого? Убийца, тать – всё правильно... Примет ли его Бог такого?

Афанасьев так и не заснул... Совсем не получилось – всё думал. Он думал до тех пор, пока под барабанный бой не затянулась петля. Возможно, ему показалось в последний миг – по низкому серому небу промелькнула шальная птица.

Стылым пасмурным мартовским утром на Царицын луг потянулись колонны бывших гвардейцев, под охраной солдат. Природа, как будто также стремилась наказать людей, что столь глупо и безрассудно повели себя. Заключённых вели из всех мест, где они содержались. Арестанты шли, мрачно меся ногами холодную грязь на невымощенных улицах или скользя по покрытым мокрым ледком мостовым. С неба сыпался холодный дождь с твёрдыми снежинками. Били барабаны, иногда ржали лошади, но люди шли молча и, казалось, слышно, как капли бились о мокрую одежду конвоированных или железные стволы ружей конвойных.

Людей выстраивали на площади разомкнутым квадратом так, чтобы всем было видно место будущей казни. В центре поля были выстроены виселицы в количестве пятнадцати штук. Никто не мог оторвать глаз от чернеющих помостов – с них вскоре предстоит отправиться в мир иной приговорённым, имена коих ещё не были известны. Любой из пригнанных на казнь мог оказаться там – на чёрной плахе.

За цепями гвардейцев и охраны, на расстоянии нескольких десятков шагов собирались горожане – в первых рядах мрачные дворяне, а дальше разношёрстная публика, жаждавшая зрелища. Все ждали, стояла жутковатая тишина.

– Паниных казнить будут! – пьяный визгливый голос из гущи зевак щёлкнул как выстрел. Поднялся гомон, выкрикивались имена возможных казнимых, обсуждались подробности казни. Высшее сословие испуганно жалось друг к другу, и только некоторые брезгливо морщились. Наконец дружно забили барабаны, шум затих, с открытой стороны строя подъехал кортеж Императрицы и Наследника. Царствующие Особы поднялись на специальное возвышение, где уже установили лёгкие кресла.

Барабаны забили часто-часто и замолкли. Вывели пятнадцать человек, обряженных в серую одежду – осуждённые. По длинным рядам бывших мятежников прокатился вздох облегчения – не их казнить будут. Опять ударили барабаны и замолкли. На постамент поднялся бывший генерал-прокурор Сената Вяземский, который не участвовал в заговоре и получил пост секретаря Имперского кабинета. Он зачитал решение суда – слова его доходили до приговорённых и первых рядов зрителей. К повешенью были приговорены четыре офицера и девять солдат, которые лично убивали своих товарищей, а также двое горожан, что с особенным азартом разбойничали в охваченном мятежом городе.

Барабаны снова забили. Приговорённых споро повесили, никаких помилований не было. А также не было сделано различий в казни дворян и простолюдинов. Это был ещё один чёткий сигнал о немилости престола к благородному сословию, и явного уравнивания его в статусе с прочими. Однако большинство увидело в этой казни и другой сигнал – лишать жизни уже

не будут. Не станут Императрица и Наследник рубить головы без счёта и вести себя подобно предку их Петру Великому – будет что-то иное. Хотя тут же пошёл другой слух – это были только казни за убийства, за мятеж наказание будет позже.

Дальнейших указаний и даже намерений власти относительно судьбы бунтовщиков как и офицеров, так и солдат, да и просто примкнувших к заговору дворян не появлялось, шло следствие. Оно шло тяжело – не хватало людей, умений – слишком много участников было в заговоре. В круг внимания следователей попало в общей сложности более восьмидесяти тысяч человек. По-настоящему разобраться в участии каждого было невозможно. Поэтому решено было выделить непосредственных участников и руководителей и разрабатывать их, а также самых богатых и влиятельных персонажей и покопать под них. Остальных – уж как получится.

В середине апреля я и мама получили итоговое заключение проведённого следствия и приступили к его изучению. Занимательное чтение, которое позволяло понять роли участников и степень их вины. Дочитав, я приехал в Петропавловскую крепость – к Паниным, точнее, к Никите Ивановичу. Его брат Пётр имел для меня меньшее значение – он был ведóмым, хоть и крупной фигурой, но в глобальных вопросах двигавшейся исключительно следом за братом. Разговор состоялся в кабинете коменданта крепости, куда привели моего бывшего учителя.

Он был подавлен, сильно похудел и осунулся, но при этом условия его содержания были весьма щадящими. Никита Иванович, конечно, томился неопределённостью и смертельной опасностью, но его достаточно авантюрный характер давал ему надежду на положительный исход, которой было довольно для поддержания моего бывшего учителя в форме. К тому же он знал, что никто из членов его семьи не был казнён, а женщины, которые активно участвовали в неудачном заговоре, не были заточены в крепость. Увидев меня в кабинете, Панин воспрянул, но я сразу же осадил его:

– Что же, драгоценный мой, Никита Иванович! – произнёс я со всей доступной мне язвительностью, – Расскажите мне, с чего это Вы собирались убить мою дражайшую маменьку? Неужто Вы хоть на минуту могли подумать, что стать матереубийцей, даже ради получения полной власти для меня приятно и допустимо? Я вам хоть чем-то дал понять, что могу обидеть, унижить ту, которая подарила мне жизнь? А убить её? Ну, скажите мне, Никита Иванович?

Он ничего не смог мне сообщить в ответ. Боялся? Конечно, боялся! Я явно был в ярости! Голос мой лязгал, скулы сводило... Я говорил с ним совершенно не так, как мы беседовали раньше, не так, как подобает общаться верному ученику со своим глубокоуважаемым учителем. Причём эти проявления чувств были не наигранные, ну почти не наигранные – не такой уж я хороший актёр, чтобы изобразить подобный набор чувств достаточно естественно. Панин, низко наклонив голову, стоял передо мной несчастный, ясно понимая, что сейчас решается его судьба, и она может закончиться крайне неудачно.

– Что же вы молчите, Никита Иванович? Вы были так смелы, когда составили поддельный манифест, на котором было начертано моё имя! Вы – тот человек, который учил меня! Учил меня чести! Отвечайте! Что же Вы молчите? Объяснитесь, наконец, любезный! – на последних словах голос мой поднялся высоко, я почти кричал на него, а Панин молчал, опуская голову всё ниже и ниже. Я продолжал тем временем:

– Посмотрите мне в глаза и скажите, как Вы дошли до жизни такой? Вы – человек, что всегда считал себя олицетворением дворянской чести и кричал об этом на каждом углу! Вы считали себя умнейшим! Хитрейшим! А что я теперь вижу? Вы лгали! Вы, не испрося моего разрешения, воспользовались моим именем и подняли верных **мне** солдат и офицеров на бунт! Не заботясь об их дальнейшей судьбе! Как Вас правильно называть после такого? Возможно, изменником? Может, даже Вы видите своё место на плахе? – здесь он всё-таки посмотрел на меня. Первый раз я замечал у своего наглеца и хитреца учителя глаза, наполненные просто собачьими преданностью и тоской.

– Ваше Императорское Высочество... – залепетал он мне в ответ. Опять образовалась пауза. Я снова повысил голос:

– Ну? Ну? Никита Иванович! Вы же мастер слова! Говорите же!

– Я... Я виноват! Прошу простить если не меня, то хотя бы людей, верных мне, брата моего! Которых я обманул... – снова финт Орловых? Кто-то сообщил ему, как размягнуть меня? Неужели братья болтливы? Сделал себе зарубку – проверить.

– Так, ну что же, значит, вы всё-таки признаёте, что обманули множество людей, которых я сейчас, по чести, должен был бы казнить. Так скажите мне, казнить ли мне их?

– Нет, Ваше Императорское Высочество, я прошу... Прошу Вас... – голос его наливался силой – Прошу Вас простить их и винить в этом преступлении только меня! Я обманул их! Обманул их всех!

– Что же, даже брата своего?

– И даже Петра! Я единственный виновный в этом! – на сей раз я не стал продолжать обличать его, а начал ходить по кабинету. Он несколько раз пытался говорить дальше, причмокивал губами, пробовал набрать воздух, но у него ничего не выходило. Так что, я взял кувшин и стакан, стоявшие на столе, и протянул ему.

– Пейте, несчастный! – тот схватил воду и жадно начал пить стакан за стаканом. Я же продолжал в задумчивости ходить по кабинету, не обращая на него внимания. Выпив весь кувшин, Никита Иванович нашёл в себе силы продолжить свои речи.

– Я прошу извинить меня, Ваше Императорское Высочество, за то, что не оправдал Ваше доверие! За то, что я именем Вашим попробовал прикрыть своё желание возвыситься! Я считал, что поступаю так во благо империи! Я...

– Вы, милостивый государь, – прервал я его, – всего лишь хотели получить личную власть! Об этом рассказали Ваши соучастники, которых я слышал своими ушами! Вы, дорогóй учитель, обещали своим родным и близким небывалое возвышение! Вы, душа моя, стремились к обладанию престолом! То есть в Ваши планы, драгоценный мой, входило двойное царевбийство! Не только матери моей, но и меня самого! Меня! Пусть и позже! Что же мне делать вот с этим? А? – я повернулся к нему, он попытался отвести взгляд, но тогда я закричал: – Смотри мне в глаза, ничтожество! Говори! Ну! – он побледнел, но нашёл в себе силы ответить:

– Вина́ моя безмерна, и я достоин смерти! Но я...

– Молчите! – я смягчил тон, – Молчите, Никита Иванович! Молчание сейчас лучший способ что-то объяснить и умерить мой гнев. Вы полагаете, что мне необходимо казнить Вас?

– Я считаю, что это будет справедливая кара для меня недостойного!

– Известно ли Вам, любезный, что Вы сотворили с государством нашим своим мятежом? Известно ли Вам, что я теперь не могу доверять своим дворянам? Ибо в голове каждого из них, возвышенного мною и допущенного мною к престолу, могут начать бродить такие же мысли... Известно ли Вам, что Вы вызвали у европейских держав убеждённости в возможности победы над нами? Известно ли Вам, что те люди в Европе, которым Вы доверяли и уверяли всех нас в обоснованности подобного доверия, воспользовались нашей слабостью, чтобы попытаться нанести потери империи?

Вот, посмотрите, что рассказал Ваш верный конфидендент, граф Строганов. – я протянул ему бумаги, – Посмотрите, он также лелеял мечту о престоле, и даже англичане, которым Вы столь безмерно доверяли, хотели и Вас, потом заменить – вот на него! Они собирались посадить на престол русский своего ставленника, и Вы отнюдь таковым не были! А пруссаки, которых Вы боготворили, вознамерились, пользуясь неустройством нашим, отхватить себе Польшу! Что бы Вы потом с этим со всем делали? Расскажите мне, драгоценный Никита Иванович, какие были Ваши дальнейшие планы? – тот нервно теребил верхнюю пуговицу камзола, явно стремясь освободить горло.

– Выпейте ещё воды! – резко сказал я ему, – Вы, который считал себя хитрейшим и умнейшим! Умудрились затеять столь большой беспорядок в государстве нашем, который легко мог ввергнуть нас не только в братоубийственную свару, ибо я никогда не принял бы власть и корону из рук человека, что убил мою мать! А ведь она правила страной, не досаждая её внутреннему спокойствию! Так ещё на государство наше обрушились бы и удары внешние от тех стран и людей, которых считали Вы вернейшими союзниками нашими! На содействие которых Вы полагались!

Вы понимаете, что действиями своими, если бы они увенчались успехом, именно Вы погубили бы Россию? Вы, человек, который всегда говорил мне, что он верен престолу и государству! Вы? Каково? – первый раз в своей жизни я видел, что Панин просто подавлен моими словами. Всё подталкивало его к тому, чтобы признать собственную неспособность в делах великих, которые он всегда считал **для себя** предназначенными. Я продолжил:

– И что, Никита Иванович, вы думаете, что теперь Ваши грехи искупать будут другие? Вы надеетесь на свою казнь, и Вы получите, если не моё, так Божье прощение за всё, что вы здесь натворили? – тогда до него дошло, что эти мои слова дают ему надежду на жизнь, и он снова поднял на меня взор, полный ужаса и мольбы, – Так вот, Никита Иванович, я буду думать над Вашей дальнейшей судьбой и судьбой Ваших близких. А пока идите! Я надеюсь, Вы достаточно осознали то, что Вы натворили! Вот, теперь Вам предстоит всё хорошо обдумать. – его отвели в камеру. А я попытался понять, достаточно ли мне удалось продавить волю этого прожжённого интригана и гордеца, чтобы дальше попытаться использовать его в своих целях.

В следующий раз я встретился с ним через десять дней, которые были мною специально отмеряны, дабы дать ему дозреть. Пока ехал в Петропавловку, смотрел вокруг. Весна уже явно брала своё. Грязь окрест, конечно, но, видно, что скоро совсем распогодится, настроение как-то улучшалось, работоспособность тоже повышалась. Я даже смог отправить маму с Потёмкиным в Петергоф – приходите в себя. Страна, вместе с наступлением весны возвращалась к нормальной жизни.

Я уже вполне понимал, что я хочу от этих людей. Идею устроить массовые казни по примеру Петра Великого я отбросил изначально. Такое развитие событий, безусловно, развлекло бы столичное общество и серьёзно напугало дворянство, но потерять столь значительное количество образованных и энергичных людей – это, знаете ли, расточительство чистой воды. Их требовалось лишить возможности активно противодействовать моим планам и одновременно за их счёт усилить имущественные и финансовые возможности государства. Правда, никто не предполагал, что участников неудавшегося переворота будет так много.

Но теперь, теперь мне требовалось решить, как именно их использовать. Варианты были. Виновные в убийствах были казнены, остались те, кто были причасны к мятежу и заговору. Их необходимо наказать так, чтобы все поняли, что правление Правящих Императорских Особ, как мы с мамой именовались на официальном уровне, будет строгим и жёстким, но справедливым, и заботиться мы будем, в первую очередь, об интересах государства.

– Ну что, Никита Иванович, Вы определились, как я должен наказать Вас за проступки Ваши? – начал я наш разговор.

Панин выглядел уже значительно лучше, он ещё казался немного подавленным, но взор его уже был твёрд, голос тоже:

– Ваше Императорское Высочество! Я считаю совершенно необходимым примерно наказать меня, аки заговорщика и преступника против престола и государства! И если уж не казнить примерно, то отправить тогда на войну простым солдатом, где я мог бы погибнуть с честью и так искупить кровью прегрешения свои! Или же направить меня с миссией дипломатической в ту же Англию, или Пруссию... – голос его всё набирал и набирал мощь, и последнее предложение он уже просто пророкотал, наливаясь наглостью, чувствуя, что самое страшное уже миновало.

– О-о-о, Никита Иванович! Вы думаете, что так Вы можете искупить свою вину? – я выдал в голос презрения и насмешки – Нет, любезный мой! Вы будете наказаны! Будете наказаны примерно и престогаго! Чтобы никто и никогда даже не заподозрил, что в государстве нашем можно государя не то что свергнуть, а даже оскорбить безвозбранно. Подойдите сюда!

Он подошёл, твёрдо ступая, готовясь узнать о своей каре.

– Итак, Никита Иванович! Вы будете лишены дворянства, а равно и всех чинов своих и орденов, так же как Ваши соучастники! Вы согласны, что это справедливо?

– Да, Ваше Императорское Высочество! – очень мрачно подтвердил мои слова Панин.

– Хорошо, далее, у вас отняты будут все поместья, дома и всё прочее имущество! Вы все будете разжалованы в солдаты. У вас не останется ничего, что выделяло бы вас среди прочих подданных наших. После чего я считаю нужным определить подданного своего, солдата Панина Никиту Ивановича к отправке для дальнейшей службы на Камчатку! – вот тогда он в лице переменялся.

– Как же... Как же Камчатка?!

– Как только опубликован будет Указ, – я продолжал говорить, не изменяя тона, – Вы незамедлительно, проследуете, вместе с прочими осуждёнными – бывшими офицерами и солдатами, кои, нарушив присягу и предав долг свой, пусть и будучи обманутыми Вами лично, совершили измену империи – на место дальнейшей службы и проживания.

– Как же я...

– Как же там Вам жить, Вы хотели спросить, душа моя? Вы там начнёте жить заново! Каждому из бывших дворян будет предоставлено право взять с собой некоторое количество дворовых людей из своих бывших поместий, но крестьянам будет дана вольная грамота, сразу по прибытии на место! Кроме того, вы будете снабжены достаточным количеством провианта и фуража на несколько лет, в течение которых вы должны будете обеспечить себя самостоятельно. Дополнительно вам будет оставлено необходимое количество инструмента, вооружений и боеприпаса. Вы должны хорошо себе представлять, с какими целями вы отправитесь на столь дальние окраины Империи нашей!

Когда же Вы добьётесь процветания вверенной Вам в управление территории, то Вам, как и отличившемуся в сём деле, будут возвращено дворянское достоинство. Смотрите! – и я развернул перед ним карту, которая была предоставлена мне в Академии наук.

Исследования Камчатки, как и иных земель на севере и востоке России велись планомерно и постоянно, и сводились воедино тщанием покойного Ломоносова, который всегда считал, что будущее наше лежит именно в тех землях. При Сенате создан был особый Северный кабинет, во главе которого был поставлен бывший непримиримый соперник Михаила Васильевича, а с некоторых пор его друг – Фёдор Миллер¹⁵. Так что, труд великого Степана Крашенинникова¹⁶ не пропал даром, и в него ежегодно вносились изменения на основе новых исследований.

– Смотрите, Никита Иванович! Смотрите, будущий глава Камчатки! Здесь размечены места, что Вам непременно пригодятся!

– А коли не получится у нас?

– Так помрёте от голода или холода! – со смехом отвечал я ему! Вот здесь его перекосило! – Плакать сильно не будем, только вот усилий жалко будет, но что же тут поделаешь – мы, чем можем вам поможем, а дальше уж вы сами! – и я снова ласково так засмеялся.

¹⁵ Фёдор Миллер – Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) – Русский историк, естествоиспытатель, путешественник. Автор «норманнской теории», создатель Московского архива

¹⁶ Степан Петрович Крашенинников (1711–1755) – русский путешественник, ботаник, этнограф, исследователь Камчатки.

А что он думал, в сказку попал? На курорт едет? Ага, прям сейчас! Мне, конечно, хотелось, чтобы у него получилось, но вот большую ставку на это делать не желаю. Даже, если помрут все, то не от моей руки – не смогли, и всё.

– Но, дорогóй Никита Иванович, я всё-таки думаю, что Вы справитесь. И Вы – человек способный, и люди у Вас – образованные и энергичные, и деваться вам, собственно, некуда. Понятно?

– Да, Ваше Императорское Высочество! – мрачно, осознавая, наконец, перспективу, отвечал бывший мой учитель.

– И ещё, душа моя! Вам надобно жениться!

– Что? – вот, и ещё раз его перекосило! Инфаркта от него я не ждал, уж больно он жизнь любил, и помереть в такой момент не мог.

– Чтобы у Вас ещё причины были успеха добиваться, Никита Иванович, господин солдат Панин! Жена, а, ежели бог даст, то и детки значительно воли к жизни и успеху прибавляет. Есть кто на примете? – тот уже, как рыба, ртом воздух хватал, но головой отрицательно помотал.

– Тогда вот есть Анастасия Матвеевна Дмитриева-Мамонова, девица четырнадцати лет от роду, дочь Матвея Васильевича, который по глупости своей оказался вовлечён в Ваш заговор. Он свойственник Григория Александровича Потёмкина, который радеет за него по-родственному. Так что, не желаете ли на ней жениться? – вот так и супругу этому старому жуиру и сибариту нашёл. Кстати, удивительное дело, но у них действительно большая любовь случилась, м-да...

Уже через две недели первые обозы переселенцев тронулись в путь. За это время с картами, описаниями и планами жития на Камчатке были ознакомлены и братья Панины, и Захар Чернышёв, и бывший генерал-майор Бибииков, что был правой рукой Петра Панина в военной части заговора, а также братья Куракины.

Саша Куракин, мой верный соратник, отказался раскрыть перед обществом свою истинную роль в заговоре. Он не хотел оставить родственников в сложном положении и собирался разделить с ними невзгоды. Что же, он был готов оставаться моим верным конфидендом и другом. Я в личной беседе просил его беречь себя и помнить, что этот его поступок не считаю предательством, и он может быть уверенным в моём полном расположении, даже если у него лично на Камчатке не получится показать свои таланты.

Так вот, этим людям надлежало управлять неосвоенными землями. Нами в обсуждении определены были места для поселений, продовольственных складов, бухт в которых будут организованы порты для снабжения столь большой группы людей. Были указаны и немногочисленные места, пригодные для земледелия, и поселений рыбаков, на которых и должна лечь основная нагрузка по обеспечению продовольствием обитателей этих территорий.

К первой же группе ссыльных позднее должны будут присоединиться четыре ученика Болотова. Они просветят новопоселенцев, как вести земледелие и животноводство в суровых условиях Камчатки и особенно выращивать картофель. К каравану присоединятся четыре сотни вольных переселенцев – архангельских рыбаков и корабельщиков, которые должны будут учинять верфь на самом полуострове для строительства судов. Без флота организовать снабжение на постоянной основе было бы затруднительно, а уж создать рыбные промыслы без кораблей...

Планировалось, что переселенцы дойдут до Охотска и переправятся на Камчатку на имеющихся там судах. Доплыть до полуострова по морю представлялось пока невозможным – почти кругосветное плаванье. Но меры по прокладке водной дороги туда – Северного морского пути – предпринимались практически непрерывно уже много лет.

Исследования стараниями Ломоносова и моим покровительством не прекращалось ни на один год, а до нас ещё с Петра I все русские цари искали пути освоения бескрайних наших северных просторов, но до организации постоянного маршрута для судов было ещё очень

далеко. Без создания промежуточных стоянок в устьях великих северных рек существование такого маршрута было невозможно, а к этому вопросу мы, по сути, ещё не приступали.

Получить необходимое количество инструмента внутри страны было бы чрезвычайно сложно – промышленность России традиционно не была ориентирована на производство готовых изделий, исключая, конечно, оружие, и ограничивалась сырьём для поставок на экспорт. Однако здесь можно говорить о моём чувстве предвидения, хотя всё было сильно проще – уже после побед Румянцева и Орлова я понял, что надо будет заселять новые земли и потребуются сельскохозяйственные орудия.

Так что я попросил Теплова съездить в Тулу, больше у нас нигде не было достаточных мощностей. Там был солидный казённый завод, полностью занятый выделкой оружия, и протолкнуть его перепрофилирование, даже временное, через военную коллегия было бы невозможным. В результате нам пришлось идти к мелким частным производителям, которые также были связаны обязательствами с военными.

Исторически сложилось, что вся остальная номенклатура возможного производства была у нас в экономике не востребована, так как и экономики у нас в обычном понимании не было. Население было крайне бедное, практически нищее, и железный инструмент покупать было просто некому – крестьянское хозяйство было почти натуральным и потребности закрывались местными кузнецами. Помещики же в основной массе тоже были весьма небогаты и не интересовались проблемами крестьян.

Так что пришлось не просто заказывать нужный для передового сельского хозяйства инструмент, а ещё и инвестировать в его производство, да и с технологиями помогать. Тем не менее заказ начали исполнять и некоторое количество собственных плугов, сеялок, кос и тому подобное у нас в запасе было. Пришлось передавать эти ресурсы Камчатским переселенцам, а не, как планировали изначально, направлять на освоение новых земель. Но теперь у меня уже было достаточно средств для расширения производства, которое явно назревало. Пока вопрос с места не двигался, но зарубку я себе поставил – решить его в приоритетном порядке.

Хорошо, что стараниями Болотова хоть с семенами и скотом у нас сейчас проблема не стояла. Всё наличествовало пусть пока и в небольшом количестве, но вполне достаточном на первое время освоения новых земель. Однако на расширение хозяйства нашего агронома тоже следовало обратить пристальное внимание, иначе при освоении перспективнейших южных территорий мы можем столкнуться с проблемами.

Мне хорошо было известно, что рядом с Камчаткой лежали более благоприятные для освоения территории, до сей поры не заселённые нашими земледельцами и рыбаками. Задача их колонизации и стояла в первую очередь перед переселенцами. Затем они должны будут защитить свои территории от хищных соседей. Для этого требовалось достаточное количество людей, работающих на земле. Армия с флотом для их обороны обязательны, но войска должны были снабжаться, хотя бы продовольствием, на месте размещения, иначе придётся возить им зерно за тридевять земель, и овчинка выделки явно не будет стоить.

Камчатка, Курилы, Сахалин пока ещё были свободны. Японцы могли быть только на Хоккайдо, но вот освоение острова, как я помнил, они начали сравнительно поздно и ещё, как следует, там не закрепились. Так что, простор для развития был. Наши поселенцы вполне могли обосноваться на этих землях, обеспечив себе неплохую жизнь, и ссыльные, освоив новые территории, вернули бы уважение и влияние в государстве. Я надеялся, что подобный стимул будет достаточным, чтобы направить энергию мятежников в нужное для государства русло.

Пока мы планировали подготовку к переселению, я ещё много раз беседовал с руководителями проекта, объясняя им эти нюансы. Бывшие заговорщики должны были понимать, что в ином случае, они были обречены на прозябание в нищей провинции или даже голодную смерть, а я не стал бы сожалеть об этом – подобное наказание было достойно их проступков. Только так – победы или умири, других вариантов я для них не видел.

Глава 4

Первого мая был опубликован Манифест Правящих Особ «О наказании виновных в измене». По нему следовало, что все преступники делились на три категории: подлежащие казни через повешенье, отсечение головы и отправляемых на вечную каторгу. Однако, в виде жеста милосердия, все категории подлежали освобождению от указанного наказания, которое заменялось конфискацией имущества, лишением дворянства, чинов и наград, и ссылкой на вечное поселение на Камчатку.

Большая часть подследственных признавалась к заговору непричастными или же частично причастными. Мы не собирались казнить солдат, которые просто выполняли приказы, или же дворян, чья осведомлённость об умысле мятежа не могла быть доказана. Непричастные просто вернулись к обычной жизни, а вот частично причастные – то есть те, кто могли знать о заговоре или были осведомлены о нём и не поспешили в Тайную экспедицию, ставились под надзор и службу, что будет им назначена, должны были нести её до полной отставки и прощения.

И всё равно, почти двенадцать тысяч человек попали под наказание, а если учесть и членов их семей, коим надлежало разделить участь ссыльных, то под наказание попало более сорока тысяч, из которых больше трети принадлежала к дворянскому сословию. Были затронуты почти все центральные губернии, все известные фамилии пострадали. Это был шок. Все замерли, а потом начали судорожно обсуждать, что это – жестокость или милость? Чего ждать от Правящих Особ дальше? Во всяком случае, все сходились на справедливости наказания преступников – казнили только убийц, заговорщиков строго наказали, а невиновных не тронули.

Отправка первой партии ссыльных прошла торжественно. Был обнародован ещё один Манифест «О чайные исправления подданных наших», в котором мы с мамой указывали провинившимся на то, что эта ссылка есть и наказание их, и способ искупить свою вину, и даже метод достичь достатка и уважения. Пусть эти слова прозвучат официально.

Солдаты, закованные в кандалы, грузились в возке. Среди них были наиболее отрицательно настроенные к власти и особо обиженные результатами неудавшегося переворота люди. Именно их мы намеревались отправить в первую очередь, им предстояло решить первые и самые сложные задачи по обустройству промежуточных лагерей и поселений уже на Камчатке. Они должны были обеспечить более комфортное перемещение и снабжение следующих партий, которые смогли бы уже воспользоваться результатами их трудов. Семьи их должны были отправиться вслед за ними. Солдаты знали об этом, и то, что их старания будут направлены на благополучие их же близких, должно было по моему замыслу послужить более ответственной работе.

Кандалы снимут с осуждённых постепенно: с тех, кто вызовет у охраны большее доверие, – уже после Казани, а с наиболее подозрительных и обиженных – после Иркутска. Дорога от Иркутска до Якутска была уже опаснее, там, бывало, гуляли лихие люди¹⁷, а за Якутском шлялись ещё и не до конца смирённые чукчи, с которыми нашим войскам пришлось вести настоящую войну¹⁸...

Маршрут был известен, задачи поставлены, ресурсы выделены. Это было отличное испытание для упорядоченной ещё во время войны системы военной логистики. Руководители ссыльных, во главе с Никитой Паниным, были настроены весьма решительно. Мне казалось, что они должны выжить.

¹⁷ Лихие люди – преступники (уст.)

¹⁸ Русско-Чукотская война шла с 1727г. по 1778 г.

Большинство заключённых несли на себе только ручные оковы, а колодки на ногах были лишь у самых дерзких и агрессивных. Кандалы, чтобы не лязгали и не натирали кожу, оборачивали тряпками. Конвоиры допускали такое послабление, жалея переселенцев. Ивашин был отнесён к опасным и теперь, злобно поглядывая на сопровождавших караван солдат, пытался запихнуть лоскут ткани под колодку. Осуждённые только сутки были в дороге, а он уже два раза намеревался затеять драку, так что кандалы ему предстояло тащить на себе ещё долго.

Как же так получилось, что Ваньку Никитина освободили, а его – нет? Ведь вместе всю дорогу были! За что к нему такая несправедливость-то? Пусть он, Петька Ивашин, вначале воспринял переворот с огоньком, увлекал своих товарищей в бой, а потом активно принял участие в грабежах! В конце-то он же признал право Вейсмана отдавать им команды!

Это же офицеры подбивали всех к мятежу! Он-то тут при чём? Он же вообще не виноват! А где все офицеры? Почему здесь только солдаты? Злоба выплёскивалась из него непрерывно и его даже сторонились другие осуждённые. Они шли пешком по дороге на Москву, отмахивая за день по 18 вёрст, и караульные разрешали переселенцам отдыхать на телегах со скарбом, что шли в караване. Однако Пётр своей злобой заслужил их нелюбовь и такой привилегии был лишён. Но он шёл, мерно переставляя ноги, сжав зубы, и не просил о помощи.

Так продолжалось долго, может быть, он, в конце концов, вытерпел бы всё до конца, накручивая себя всё больше и больше, а может быть, он погиб бы в пути, окончательно потеряв поддержку своих товарищей. Однако Ивашин был солдат, и вокруг него тоже были солдаты, которые видели на свете ещё не такое.

– Петька, дурья башка, охолони! Доиграешься! – ткнул его кулаком в бок Смыков, старый сержант-преображенец, который стал неофициальным предводителем их партии.

– Чего пристал, Иваныч! Несправедливо всё это! – и Ивашин принялся с жаром изливать душу старшему товарищу.

– Да, Петька! – вздохнул Смыков, поглаживая свои седые усы, – Вот ты дурень, так дурень... О чём ты? Чай не ты, а кто-то другой, вытарашив глаза, в Петербурге в дома врывался! Ты же был лейб-гвардии Преображенского полка солдат! Видел же, что с Афанасьевым за такое сотворили! А ты вроде живой, на своих ногах топаешь, а? Дорога в Москву знакомая, иди, да думай, что дальше делать будешь.

– Тебе-то легко говорить, Иваныч!

– Совсем сдурел, малец! – взорвался старый преображенец, – Ты-то кто? Солдат! А я сержант! Я воевать начал ещё до того, как ты у мамки сиську сосал! Я при Кунерсдорфе бился, едва без ноги не остался! Глядишь и офицером бы стал, коли командиры бы порадели! А тут на старости лет на Камчатку шагай! А жена моя, а детки! Старшему-то едва двенадцать годков! Им-то каково?! Мне легко говорить! Всю жизнь свою перечеркнул! И не ворчу! Шагаю да думаю, как мне быть дальше! Как деток вырастить! – идущий рядом конвойный, прислушивался к их разговору и посчитал нужным вмешаться.

– Не грусти, старый! Доля наша солдатская! Идти, куда приказали, выполнять, что приказали! Авось командиры знают, что тебе делать и как тебя голодным не оставить! Как видишь, кормят сытно, места для ночлега подготовлены! Что ещё надо! А там, хоть на Камчатку, хоть на тот свет! Ха-ха! Бог не попустит, свинья не съест!

– И то, правда! – грустно пробормотал сержант в ответ.

Вот этот-то разговор и повернул Петькин взгляд на ситуацию – многим-то ещё хуже! Столько среди ссыльных семейных, у них жёнки, детки. Им-то каково?! А он пока один-одинёшенек, только о себе и думать приходится. Что же тогда грустить-то так? Воистину – доля его солдатская. Назвался груздём – полезай в кузов...

В дворянской среде такое суровое наказание для бунтовщиков вызвало новое содрогание. Их отправляли в места столь далёкие, что они, казалось, расположены за краем земли – это не Тобольск, даже не Берёзов или Пелым. Для наших подданных стало очевидно, что власть сурова и не собирается прощать дворянам их ошибки просто так, но и прямо убивать их не хочет, а желает их умучить. Оттого судьба Меншиковых казалась, чуть ли не сказочной.

Одновременно, по стране прокатилась целая волна крестьянских бунтов, направленных против помещиков. Среди крестьян распространялись слухи, что дворяне больше не управляют ими и им можно мстить. Но что-то подобное мы предвидели, и войска быстро гасили эти вспышки. Виновных наказывали как положено – убийц и поджигателей отправляли в Петербург, где решалась их судьба, прочих участников – на Камчатку.

Подобное поведение властей показало, что Императрица и Наследник не окончательно потеряли доверие к дворянству. Всё опять успокоилось, но количество жалоб от крестьян на помещиков быстро нарастало. Слишком много времени не было порядка в их отношениях и теперь его предстояло наводить. Благо, что множество земель и крепостных, принадлежащих ранее осуждённым дворянам, переходило в казну, а это гасило протестные настроения среди таких крестьян.

После наказания виновных, жизнь в городе начала возвращаться на круги своя – в Санкт-Петербурге возобновились приёмы, торговля начинала восстанавливаться. Во время ведения следствия даже работа коллегий сильно замедлилась – исполнялись только основные функции, лишь после опубликования списка мятежников люди успокоились и снова взялись за дело. И из Юстиц-коллегии пришёл сюрприз – завещание Алексея Григорьевича Разумовского. Он составил его втайне ещё в ту пору, когда я уехал на войну, и передал на хранение в коллегию, не доверяя никому. Я его очень любил, он меня тоже, но вот такого я не ожидал, всё-таки у Алексея Григорьевича были племянники, брат... В общем, я был назначен его единственным наследником, а богат граф был очень. В завещании было и личное письмо мне, в нём Разумовский благословлял меня на реализацию моих планов по устройству России, называя сыном своим. Ох, снова душу разбередило это письмо.

Наследство внесло разлад между мной и Разумовскими, что рассчитывали на состояние дяди своего. Если сам Кирилл Григорьевич отнёсся к решению покойного с уважением – у него самого состояние тоже было немаленькое, а брата он всегда уважал и слушался, то вот дети его... Если старший сын, Алексей ещё пытался как-то сделать карьеру, хоть и вяло, а мой дружок Андрей сидел в крепости, ожидая императорского решения, то остальные Кирилловичи уповали на наследство дяди, желая бездельничать. Они начали осуждать Алексея Григорьевича и меня, причём, не обладая достаточным разумом, делали это вполне публично.

Мне пришлось пригласить к себе их отца.

– Кирилл Григорьевич! Я прошу Вас объяснить поведение детей Ваших! У меня может сложиться превратное мнение, что измена Андрея есть продукт общения внутри семейства Вашего! А этого я точно не хочу, всегда видя в Разумовских друзей своих.

– Ваше Императорское Высочество! Я пришёл выразить Вам исключительно верноподданнические чувства! Помилуйте, Государь! Совсем дети от рук отбились! Как жена моя умерла, так совершенно распоясались мерзавцы! Не уделял внимания должному воспитанию их, всё супруга моя покойная! Выросли безмозглые и ретивые! Простите старика!

– Верю-верю! Но делать-то мне что с ними? Ведь разговоры ведут преступные! По совести мне их надо в крепость или на Камчатку отправить!

– Не лишайте меня, Ваше Императорское Высочество, пострелят моих! Кто же скрасит старость мою и продолжит род мой, род Разумовских! Может, подрастут – поумнеют?– вот прохвост, детей воспитать не сумел, так на мои чувства к брату своему давит.

– Хорошо, Кирилл Григорьевич! Не будем мы с Императрицей столь сурово наказывать Ваших потомков... Но и так оставить дело не могу! Мало того что они людей смущают словами и вседозволенностью своей, так ещё и не вырастут так путными людьми.

– Так как же с детками моими?

– Поедут тогда в армию. Только в служении они смогут найти место своё. А то, боюсь, и на самом деле род Разумовских может угаснуть... Переживёте без сынков своих, Кирилл Григорьевич, несколько лет?

– Так, Ваше Императорское Высочество, лучше уж несколько лет без них, пока они в армии, чем навсегда один, пока они на каторге!

– Да Вы – философ, Кирилл Григорьевич!

– Да есть немного, в жизни ещё и не такому сподобишься! – успокоившись, засмеялся бывший гетман. Я тоже ему улыбнулся и приобнял на прощание. Расстались мы с ним вполне довольные друг другом.

Меж тем закончила работу и Московская комиссия. Что же, выводы были вполне ожидаемы, хотя и неприятны. Для возникновения этой катастрофы – Москва была полуразрушена – должно было совпасть множество факторов, это и произошло. Фактически там имели место два заговора – нового и старого дворянства. Оба были направлены на усиление влияния благородного сословия и ослабление контроля императрицы. Пусть они были и не очень могучие, особенно по сравнению с Панинским, но были. Раскачивая ситуацию для обретения большей власти, я, пусть и не имея такой цели, вызвал ощущение у слишком многих, что у них появилась возможность давить на курс государства.

Заговоры должны были показать слабость Престола и рост влияния консервативных сил, причём замысел одних был в требования возврата к старым порядкам и демонстрации их сил. А вторые, воспользовавшись стремлением первых, хотели показать вред и опасность консерватизма и подтолкнуть страну к ещё большему движению в сторону Европы. Эту сложную схему усилила чума, которая резко ослабила контроль заговорщиков за ситуацией.

Потом всё усугубила трусость Салтыкова, который бежал из Москвы при первой опасности, и уход части городского гарнизона вместе со мной в Петербург. Сверху ещё наложилось желание нескольких групп церковного руководства ослабить позиции Платона. И мы это всё проглядели, точнее, мы что-то видели, но тогда не обратили на эти мелочи внимания – всегда же все и всем недовольны... В результате получилась такая бомба, что взрыв её потряс основание государства.

Стечение обстоятельств, невнимательность, глупость и трусость. А Москва в руинах, Маши больше нет. Я-то что – я должен всё пережить... Крупнейший город страны разорён, да ещё и второй по размеру – столица – тоже сильно пострадал. Сколько же денег понадобится на восстановление, охохонюшки!

А чума... Что чума... Она не могла не прийти тогда, или позже, или раньше. Судя по всему, карантин справился, всех подозрительных отсеивали по нескольку раз. В Москву зараза пришла, похоже, с награбленными на охваченных чумой территориях вещами – ткани, либо шерсть, либо хлопок. Очаг заражения – Хамовники, вымер почти полностью, понять, что именно принесло болезнь, уже не получилось. Похоже, первых заболевших просто скрывали, долго скрывали, не доверяя врачам. Жадность людская, да глупость.

Здесь нужны были специальные меры – Щепин уже готовил проект по созданию системы медицинского контроля. Коли лечить всех мы пока не могли, то хотя бы следить за возможными эпидемиями, предотвращать их в меру сил и не давать им распространяться – наша прямая забота и обязанность.

Я отписался императрице в Петергоф, где она с Потёмкиным приходила в себя от зимних потрясений, и предложил наказание для виновных. Казнить даже отпетых негодяев уже не

хотелось, все и так достаточно напуганы, а на Нерчинских рудниках всегда не хватало рабочих рук. Пусть тати отправятся туда, всяких агитаторов путь пока в оборот возьмёт Церковь. А вот виновных в бунте и заговоре следовало наказывать так же, как и их Петербургских коллег – на Камчатку.

Мама согласилась, решение довели до членов Имперского кабинета, и на полуостров из Москвы отправилось несколько тысяч человек. Среди наказанных не было имени фельдмаршала Салтыкова, он был стар, болен и наверняка не перенёс бы долгий путь. Но осознание им ошибок и преступлений своих привело к тому, что в Псково-Печерском монастыре появился инок Иннокентий. Бывший фельдмаршал сам захотел этого для искупления грехов и очищения рода своего от печати изменника. Я его не то что не принуждал, это была исключительно его собственная идея и нижайшая мольба, и мы не соизволили ему в этом отказать.

В мае в Петергофе было хорошо. Уже тепло, море, дом, который снял Лобов-старший, был просторен и удобен. Фрау Ингрид, которую приставила к пасынку бывшая вдова фон Гольтей, а теперь супруга заместителя главы канцелярии Правящих Особ Артемия Лобова, была женщиной очень заботливой. Алексей же, несмотря на всю благодать обстановки, располагался в кресле около самого моря и мрачно глядел на волны.

Так он сидел уже почти месяц, фрау Ингрид кормила его как на убой, и он поправился. Худоба и бледность уже покинули его, но вот силы ещё не вернулись. Алексей долго валялся в переоборудованном под госпиталь здании Сухопутного корпуса в Петербурге, пока организм перебарывал его увечье. Рана в плече была сквозной, и, по счастью, кости не были повреждены, но она воспалилась, и доктора серьёзно опасались, что состояние пациента может ухудшиться.

Потом он переехал в отцовский дом, но Наследник, узнав о матримониальных затруднениях Лобова-старшего, занялся его женитьбой. И, естественно, всё прошло вполне удачно, перечить ему никто не посмел. К тому же Теплов, которого назначили главой канцелярии Правящих Особ, решил переложить часть собственно канцелярских забот на нового заместителя, а им и стал Лобов-старший. Так что столь замечательное карьерное и семейное продвижение подвигло Артемия Ивановича на смену места жительства – прежний дом уже не подходил для ещё нестарой супруги коллежского советника.

А на время поиска нового жилья, для всё ещё не выздоровевшего Алексея сняли дом недалеко от Большого Императорского дворца. Здесь отставной офицер и грустил – рука побаливала и плохо двигалась, слабость одолевала, и размышления о будущей судьбе бездельного инвалида просто сводили с ума.

– Алексей! Господин майор! – Лобов привстал в кресле, разглядывая, кто это его окликнул. Новый чин секунд-майора он получил за участие в подавлении мятежа и спасение генерала Вейсмана, но так молодого человека ещё никто не называл, всё-таки он в отставке и вдали от общества.

– Ваше Императорское Высочество! – обомлел он.

– Не ожидали увидеть? Странно, душа моя, Петергофский Дворец недалеко, Императрица там, я её навещаю! – улыбался Наследник. В действительности Павел практически не выезжал из Петербурга, погрязнув в делах управления государством, и появился за городом в первый раз за много месяцев. – Как Вы себя чувствуете? Как рука?

– Пальцы не шевелятся, Павел Петрович! Я теперь, похоже, калека! – с горечью ответил не успевший отвлечься от своих грустных размышлений молодой человек.

– Калека! Громкое слово! Руку-то Вашу спасли, да и пальцы на месте! Ну-ка попробуйте подвигать пальцами! Ха! Да они у Вас шевелятся!

– Я не вижу...

– Но я-то вижу, Алексей Артемьевич! Они двигаются, хоть и немного! В этом случае я могу Вам порекомендовать пытаться их разработать.

– Что? – не понял его Алексей.

– Возьмите глину. Обычную гончарную глину и мните её, для начала! Если Вы не найдёте в себе силы на такой пустяк, как восстановить подвижность руки, как же Вы сможете достичь высот, на которых я Вас вижу? – вот теперь Алексей совсем растерялся.

– Не желаете ли чаю, Алексей Артемьевич? Или, может, лучше узвар?

Кофешенк Наследника подошёл к беседующим и внимательно смотрел, ожидая команды.

– Знаете, Алексей Артемьевич, как сложно было найти кофешенка, который был бы настоящим мастером? Абрам, безусловно, гений в приготовлении питья! – чернокожий молодой слуга очень степенным поклоном поблагодарил за комплимент, но в глазах его Лобов заметил предательский радостный блеск.

– Обресков, Алексей Михайлович, по приятельству нашему прислал мне Абрама из Стамбула. Поверите ли, Алексей Артемьевич, парень сохранил верность, даже пока посол наш сидел в заточении. Так что человек он верный, а за время служения при Обрескове научился готовить не только кофий и чай, но и даже квас, причём очень неплохой. Вроде бы тоже из Абиссинии, как и наш Абрам Петрович Ганнибал.

Вот поэтому и его окрестили Абрамом. Как и предок мой, Пётр Алексеевич, я самолично крёстным отцом ему выступил. И вот, Абрам Павлович он! А уж фамилию ему предлагали тоже Ганнибал дать и даже Гасдрубал советовали. Только вот я считаю, что человеку с фамилией жить, и теперь Чернов он! – весело балагурил Наследник, пока кофешенк сервировал столик и заваривал чай, – Вот подготовит замену себе и пойдёт в Горный корпус учиться! Тягу к чудесам природы имеет, шельмец! Даже Тасимова уболтал ему секреты раскрыть! Молодчик растёт!

Между тем Чернов закончил разливать чай, к которому имел пристрастие Павел Петрович, и беседа продолжилась. Лобов, за это время успел прийти в себя. Наследник с мечтательной улыбкой рисовал перед Лобовым-младшим перспективы, о которых он, оказывается, грезил и видел в молодом артиллеристе своего единомышленника. Павел очень хотел, чтобы Алексей ещё в этом году отправился в Европу, вместе с ещё несколькими молодыми людьми для дальнейшего образования.

Лобов был захвачен чаяньями Наследника до такой степени, что сразу же после его отъезда послал слугу найти ему глины, и занялся тренировкой руки.

Пора было более серьёзно взяться за государственное управление, но проблемы меня не отпускали. Аудиенцию запросил Маврокордат – он фактически исполнял функции вице-канцлера, занимаясь вопросами дипломатических отношений, но здесь проблема была другая.

– Ваше Императорское Высочество!

– Константин Николаевич! Я уже неоднократно просил Вас не титуловать меня в частном разговоре! Просто Павел Петрович или государь!

– Конечно, Павел Петрович! Прошу меня простить за забывчивость, стар я...

– Не стоит, дорогой тесть мой! Не стоит! Полагаю, что столь занятой человек, как Вы, не станет отнимать сейчас время у столь же занятого человека, как я, без важных причин! – ласково улыбнулся я ему, предлагая ему выпить принятого у меня вина, сильно разбавленного водой.

– Безусловно, государь! – так же понимающее усмехнулся мой тесть, – Причины, конечно, есть! И причина эта – Молдавия!

– Молдавия? – я искренне удивился. Вот Молдавия, по моему мнению, сейчас не должна была требовать какого-либо особого внимания, никаких резких действий на её территории мы ещё не принимали, более того, велось только обсуждение её будущего.

– У меня, государь, есть информация, что там готовится мятеж.

– Мятеж? Кто и зачем? – я напрягся, у меня ещё не было такой информации, а мне это не нравилось.

– Местные дворяне, Павел Петрович. Во главе заговора стоит бывший господарь Григорий Гика, он сносится с Османами и Цесарцами. Те дают ему деньги, много денег. Пока непонятно, с кем он договорится, но и те и те сулят Григорию власть и свободы для дворян. – для меня это было неожиданно. Гика, как и Маврокордат, попал в плен к нашей армии при захвате княжеств, но очень быстро испросил русское подданство, и не рассматривался нашей администрацией как враг. У Турции дела были нехороши – Османы были очень заняты возвратом под власть султана своих мятежных провинций. А вот Австрия вполне могла попытаться что-то сделать.

– И что? Его поддерживают?

– Да, многие дворяне с ним. Им рост своего влияния в Константинополе и Вене очень по душе. Гордыня их...

– М-да... А соседи наши? За Гику они войной на нас пойдут?

– Турки – нет, им сейчас войну никак не потянуть, а Цесарцы... Скорее всего – тоже нет! Молдавия от нас отобьётся – они её поделят, не отобьётся – мы сильно потратимся на подавление волнений, причём и в глазах просвещённой Европы свои позиции ослабим.

– Информация точная?

– Люди, что мне сообщили её – вне моих подозрений.

– Хорошо, дорогой тесть, спасибо. Я обдумаю это, и тогда мы поговорим об этом. – я был в затруднении. Отвлекаться ещё и на этот мятеж было сложно – переселение уже разворачивалась вовсю, административные реформы требовали множество усилий, в армии уже запускалась демобилизация и здесь ещё это. Плюс, я Маврокордату доверял, но где другие источники?

Уже на следующий день, другие источники тоже сообщили о себе. Румянцев прислал письмо с подробным докладом. На месте администрацию фактически возглавлял генерал-майор Суворов, который остался на хозяйстве после нашего ухода, и вполне устроил фельдмаршала. Так вот, Суворов, оказался очень неплохим администратором, держал всё под контролем и заметил подготовку мятежа.

Практически одновременно пришёл доклад и от Титова. Тот организовал агентурную сеть как в Молдавии, так и на прилегающих территориях. В его докладе уже фигурировали многочисленные имена участников, посредников, суммы и сроки. Тянуть было нельзя. Имперский кабинет в составе мамы, меня, Потёмкина, Вейсмана, Алексея Орлова и Вяземского рассмотрел этот вопрос. Решено было незамедлительно провести репрессии, не дожидаясь выступления мятежников.

Румянцев отправил два полка кавалерии в усиление Суворова и тот, опираясь на Титова, который готовил ему всю аналитику, провёл аресты подозреваемых. Паника в Молдавии была большая, многие дворяне, даже не участвующие в заговоре, бежали в Валахию, Польшу и Священную Римскую Империю. Что же, кто бежал, тот бежал – значит, они неверны России, и их земли просто конфисковали.

Священники оказались сделанными из того же теста, что и прочие – многие были готовы прогнуться под мусульман и католиков, даже отказаться от веры, в обмен на собственное благополучие. Таких клириков мы временно, до лишения их сана, заточили в Бендерскую крепость – доверия им больше не было, вопрос переподчинения Молдавской епархии от Константинополя Москве решался небыстро, а самим осудить их Вселенский Патриарх не мог – Султан бы не понял.

Сорок три заговорщика попали на каторгу, почти две тысячи человек из разных сословий были явно причастны к заговору и отправились напрямиком на Камчатку, вместе с семьями.

Румянцев мне справедливо заметил, что Суворов показал себя прекрасным администратором и его возможно оставить в Молдавии, так что с руководством в княжестве вопрос был

решён. Александр Васильевич получил чин генерал-поручика, орден Александра Невского и назначение главой наместничества.

Молдавия отвлекла моё внимание, а ведь проблем, кроме этой, перед нами стояло ещё великое множество. Я устал и морально, и физически. Боль потерь меня не опустила, хотя и слегка притупилась. На душе у меня было так мрачно, что хотелось просто лечь, заснуть и больше не просыпаться, или на крайний случай напиться и лежать на берегу, слушая море. Но сейчас вот, бросить всё, подвести маму, Гришку Потёмкина, всех прочих, что мне доверились, страну, наконец? Нет, за дело не отвлекаясь!

Глава 5

Надо заниматься экономикой, модернизировать её и достаточно быстро, но при этом постараться не повторить ошибок Петра I. Благо у нас были ресурсы, которые могли помочь нам сделать всё плавно.

Итак, мне представлялось, что наша экономика испытывала очень большие сложности. Возможности России были недостаточными, даже по сравнению с соседней Пруссией. Королевство Фридриха Великого имело население значительно меньше российского, величиной территорий вообще смешно мериться, а вот прусская армия была вполне сравнима с нашей. Причём вышколена она была лучше, а оружие у них было в основном своё и относительно новое. А у нас в армии до сих пор были ружья, выпущенные при Петре I, иностранного производства, и даже собранные в полевых условиях из нескольких старых.

В общем, калибр ружей не поддавался учёту и анализу – у каждого солдата было оружие, которое существенно отличалось от тех, что были у других. Оно было действительно индивидуальным – разнились калибры, дальность стрельбы, навеска пороха. В таких условиях нам невозможно было даже наладить нормальное централизованное снабжение армии боеприпасами – рассчитать количество пороха и свинца становилось задачей не разрешаемой. Более того, о какой прицельной стрельбе может вообще идти речь, если ружьё изношено, слеплено из непонятных деталей в полевых условиях, пуля не подходит к стволу? Мне была очевидна справедливость ещё не сказанной фразы Суворова: «Пуля – дура, штык – молодец!». М-да...

У нас практически нет промышленности, а сельское хозяйство застряло местами даже в Средних веках. Я сам это всё видел! Пока мы ещё держимся, благодаря военной модели, введённой Петром, в которой все находятся на пределе своих сил, умирают за победу. Но уже вскоре в Европе произойдут экономические изменения, которые очень надолго оставят Россию в хвосте континента. Именно на рубеже веков наша страна превратится, по сути, во второстепенную державу.

Я помнил, что очень скоро Наполеон приведёт к нам сотни тысяч захватчиков, которых мы, конечно, перемелем, но очень высокой ценой. А потом он наберёт новых, а затем ещё, и на всё у него хватит и денег, и людей. И победит его только вся Европа вместе. Всё потому, что у Франции будет всё очень неплохо именно с экономикой.

Скоро там случится революция, короля и его семью казнят, но даже это не остановит Францию, а, напротив, пришпорит её развитие. Третье сословие этой державы устроит такое миру, что сравнить это возможно только с приходом к власти в России коммунистов. В моём мире конкурировать с новой Францией удалось только новой Англии – вечному её антагонисту. Британцы, в свою очередь, в это же время совершили промышленную революцию, а не социальную, как будущая Республика. Но вот детали этого мне были неизвестны, так как просто не интересовался подобными вещами в прошлом.

Но и общих деталей мне хватало для выводов – лезть в драку между этими странами нам не стоит – потери будут слишком значительны. В моей былой реальности даже грандиозные победы над Наполеоном, похоже, настолько подорвали и без того слабую экономику государства, что потом Россия просто не могла справиться с ситуацией аж до самых большевиков. Мы пошли по нисходящей, и уже к Крымской войне наши проблемы, которые только накапливались, привели нас к поражению.

Никогда историей особо не интересовался, но знаменитый лесковский Левша и Нахимов с Корниловым в детстве оставили у меня в душе отчётливый отпечаток. Россия во время уже следующего за мной поколения русских монархов настолько отставала от Европы по экономике и вооружению, что даже храбрость и выучка наших солдат и матросов во время осады Севастополя уже не спасли страну от поражения.

Мультфильм же про Левшу меня тогда вообще поразил до глубины души. Мой детский разум, сформировавшийся в условиях жизни в одной из могущественнейших стран мира, этой картиной неэффективного управления и слабости промышленности, был просто травмирован. Я помню, как ощущал эту беспомощность Левши изменить ситуацию, в которой ружья чистят кирпичом – она мне снилась в детских страшных снах. Теперь эти кошмары могли вернуться снова, но уже наяву.

Единственное, что приходило в голову – попытаться заработать очки на противоречиях европейских игроков, на их противостоянии. Торговать с противниками, попробовать нажать на этом – вот, похоже, та узенькая тропинка, по которой нам надо пройти. В конце концов, позиция США в мировых войнах в подобной игре и заключалась, а потом они присоединялись к побеждающей стороне и хватали всё сладенькое.

А пока Франция будет пытаться победить всю Европу, за их спинами потихоньку перестроить сельское хозяйство и промышленность. Что потребуется сторонам, которые должны сцепиться на будущих полях сражений? Продовольствие, оружие, сырьё. Можем мы стать поставщиками всего этого? Конечно! Значит, будем к этому и двигаться.

Надо было начинать, причём медлить с изменениями сейчас уже было нельзя. Ощущение было такое, что отстанем ещё больше, и через несколько десятков лет мы получим армию, которая будет, как в той реальности, сражаться только за счёт своей фантастической стойкости и потрясающего героизма, но никак не из-за технического совершенства и даже не численного превосходства, а совсем напротив. Проблема технологического отставания, что я увидел на Урале, и которую мы привычно преодолеваем, бездумно расходуя человеческие ресурсы, только подтверждала моё мнение.

Да сего момента все мои идеи о развитии экономики базировались почти исключительно на отрывочной информации, моих собственных домыслах и умозаключениях. И вот теперь я получил возможность взглянуть на всё это уже с высоты верховной власти и управления. И окончательно определить, что же у нас происходит и что с этим делать.

Начинать, конечно, надо с финансов, к которым я получил полный доступ. Мама не могла отказать мне в этом, да и не хотела. Я, признаться, догадывался, что и здесь у нас не всё хорошо, и вот я в этом убедился. Страна, по сути, с Петра Великого представляла собой этакий войсковой лагерь, ориентированный на достижение военной победы. Хорошо, но теперь эта вершина достигнута, а страна привыкла жить армейскими привычками – приказами и равнодушным отношением к жертвам. Чем-то похоже на ситуацию, существовавшую в СССР перед его распадом. С отцом мы тогда много об этом говорили, военный лагерь не может функционировать долго, а здесь уже скоро сто лет.

В общем, финансовой системы у нас не было. Кто-то что-то как-то считал – это кое-как сводилось, и вот на такие данные мы и опирались. Людей не было, помещений не было, отчёты были слишком сложны – самое главное, все считали это нормальным. Всё держалось исключительно на государственной идее. Идея эта сама по себе прекрасна, но только на ней не может держаться всё. Служащие жили и работали просто в нечеловеческих условиях – они зачастую не получали жалования годами, проводя день за днём за пыльными столами в малюсеньких комнатухах без окон. Надо было строить именно систему – государственный механизм учёта и распределения средств.

Далее, в государстве основой финансового обращения были медные монеты. Потребность в денежной массе росла, а добыча серебра, а тем более золота в государстве были явно недостаточны для его обеспечения. Нерчинск да Алтай давали серебра не так много, как хотелось бы, а золота и того меньше, а вот меди, благодаря Уралу, было в достатке. Но медь – она тяжёлая, а при этом номинал таких монет – минимален. Так что, для крупных сделок требовалось таскать с собой телеги с медной монетой. А сбор налогов превращался в странствие

огромных обозов. В общем, бумажные деньги сейчас – вещь действительно необходимая и этим надо заниматься.

А также у нас не было системы налогообложения. Та её замена, которую организовал Пётр, и которой активно пользовались его последователи, меня несколько не устраивал. Система сбора и подсчёта налогов была убогой – никто не понимал, как это работает! Как у нас получалось вообще что-то собирать и сводить в отчёты?

Подушный налог был прямым и взимался по так называемым ревизским сказкам – результатам переписи населения. Как может работать система, в которой налоги собираются не с живых людей, а со списка налогоплательщиков, живших с десяток лет назад, я не понимал.

Нет, для планирования это удобно, но вот для непосредственного сбора налогов – ужас же чистый. Деньги приходится собирать и с умерших, и, наоборот, там, где уже десяток новых людей, мы берём по-прежнему с одного. А ещё для работы такого механизма надо запретить, причём начисто, перемещение людей как между сословиями, так и в пространстве – иначе разбегутся-разъедутся, и собрать налоги станет невозможно до новой ревизии в принципе! Пётр воевал, жестоко воевал – на карту было поставлено всё, и ему деньги были нужны любой ценой, но мне-то необходимо было и государство развивать.

Ревизии к тому же проводились крайне редко, потому что представляли собой масштабную войсковую операцию по выявлению налогоплательщиков, а значит, сами по себе стоили немало. Работал принцип: кто не спрятался, я не виноват. Вот такая ситуация. Да, ранее я знал об этом, но до конца поверить не мог, а зря – вот оно.

То есть, налоги должны были быть оплачены по сказке, составленной много лет назад. Все понимали, что в деревне за этот срок всё поменялось, поэтому налог должны заплатить все, кто там остался. Как они между собой разберутся – их проблема. Тогда, в начале XVIII века сложилась ситуация, при которой власти сами загоняли крестьян в группы, этикие колхозы, но с кучей недостатков. Первое – из общины невозможно выйти, только ногами вперёд. Второе – община должна платить налоги, которые ей спускаются, опираясь на сильно устаревшие данные. И третье, главное – жуткая эксплуатация со стороны помещиков.

Здесь картина просто чудовищная. Многие землевладельцы загоняли крестьян до смерти – и это не преувеличение. Ситуация с барщиной шесть дней в неделю и одновременным оброком была вполне обычной. Власть по этому поводу ничего не делала, положение крестьян менялось только в худшую сторону, налоги и выплаты росли и ещё больше придавливали несчастных земледельцев.

С косвенными налогами было получше, а они давали нам до трети дохода. Но при этом половину от этих поступлений нам приносил винный откуп. Этот инструмент подразумевал продажу права торговли водкой, которую производили на казённых заводах по определённой цене. Мы не заботились о розничной торговле алкоголя, а прибыль от неё получали и очень значительную – всё-таки ещё и себестоимость горячительного была очень маленькой.

Однако при таком раскладе государство и винные откупщики хотят получить большую прибыль, и просто заставляют людей пить. Люди спиваются, нищают, а уже через поколение мы получаем кучу потомственных пьяниц и врождённые уродства. Не хочу так, просто не хочу! Убить своё будущее ради настоящего – это точно не ко мне...

Остальные налоги вопросов не вызывали, но это пока. Так что, с финансами всё было плохо. Ситуация же в самой экономике была ещё хуже.

Вся наша промышленность фактически ограничивалась тяжёлой. Мы производили очень много железа. Именно оно и давало нам львиную долю экспорта. Но это же сырьё, а готовой продукции производилось мало – не востребовано, единственный потребитель – армия, да и тот слабенький, у государства недостаточно средств, чтобы постоянно делать большие заказы, которые могут поддерживать соответствующее производство на ходу. Лёгкая и пищевая промышленности и те недоразвиты – опять-таки массового спроса нет.

Так что военные заказы – единственный двигатель экономики. Но, в условиях отсутствия значительного масштаба производства, стоимость готового товара будет очень высокой, а доходность отрасли – наоборот, довольно низкой. Промышленность не развивалась, а затраты на армию росли. Денег государству надо было всё больше и больше, аппетиты дворян, а они стали «просвещёнными» и ориентировались на уровень потребления в Европе, также росли.

Все проблемы просто перенесли на головы податного сословия, а конкретно – крестьян. В поисках какого-то выхода, чтобы избежать голодной смерти целых семей и требования от выживших платить теперь и за умерших, крестьяне применяли кошмарную систему уравнивания возможностей внутри общины путём непрерывного передела участков земли, их обмена. Задача перед общиной стояла никак не улучшить жизнь её участников – всё равно отнимут весь возможный излишек, а просто выжить. Сельскохозяйственные работы разных членов общины должны были осуществляться одновременно и в сроки, определяемые возможностями самых слабых его членов. В результате голодали все и постоянно.

Всё это вело только к дальнейшей деградации сельского хозяйства и большей части нашего населения. Система была ориентирована исключительно на то, чтобы, как только крестьянская семья становилась на ноги, начинала жить лучше других, опустить её обратно в самый низ. Родилось больше мальчиков, и экстенсивно увеличивалась производительность – получите увеличение обязанностей и долгов. Трудитесь как пчёлки, интенсифицируйте производство – опять-таки получите больше платежей. Развиваться нет причин, более того – прямой стимул беднеть. Крестьянин чувствовал, что навсегда самой судьбой обречён на нищету и любые изменения для него вредны.

Мне было понятно откуда ноги росли у крестьянских бунтов, а потом и Октябрьской революции – дворяне пытались максимально обесчеловечить крестьян, чтобы и управлять ими было легче, и самим не испытывать мук совести, угнетая своих соплеменников. И вот, наконец, они добились своего – и их просто уничтожили. В прошлой жизни мне было некогда и незачем думать об этом, а вот сейчас я начал уважать большевиков, которые смогли выправить проблему – вытащить крестьян из состояния почти животного, хоть и ценой большой крови. Вылечить их, дать образование, а главное – показать путь к лучшей жизни. Так уважать, что хоть памятник им досрочно ставь...

Что здесь делать? Без спроса со стороны населения нам не развить промышленность, а спрос в текущих условиях отсутствует. Значит, надо начинать с самого низу – с крестьян. Требуется снижать нагрузку на них, необходимо обеспечить им благосостояние, заставить их покупать фабричные товары. Одновременно нужно вытягивать промышленность хотя бы на начальный уровень, чтобы именно наше производство могло обеспечить потребности крестьян, которые должны будут вырасти.

И для всего этого необходимы огромные изменения в жизни, причём не только в экономической, но и просто в повседневных привычках. Например, сажать картошку или элементарно мыть руки мылом. Конечно, понимание по большинству вопросов у нас с мамой было. Однако страшно – такой объём изменений надо запускать. Ладно, глаза боятся, а руки делают.

Сначала – самое простое. Необходимо обеспечить финансовую базу для всех реформ. Конечно, огромный объём земель вместе с крестьянами переходит в казну. Состояния Паниных, Чернышёвых, Нарышкиных, Строгановых, Глебовых, Куракиных и так далее давали существенный доход государству, да ещё и наследство Разумовского, которое предоставляло дополнительные возможности уже лично мне. Огромные средства, которые мы получили от турецкой войны, тоже успокаивали, но всё-таки требовалось больше.

Первое – улучшение работы по добыче и выплавке драгоценных металлов. Я пригласил к себе Соймонова, знаниям которого доверял полностью, на беседу.

– Михаил Фёдорович! Здравствуйте! Как супруга? Как здоровье? Как дела в корпусе?

– Ох, Ваше Императорское Высочество, Екатерина Алексеевна вернулась с вод, на которых Вашими заботами лечилась. Доктор Погорецкий говорит, что Спа¹⁹ пошёл ей на пользу...

– А что это Вы разволновались так, Ваше высочордие? Неужели...

– Да, Павел Петрович, понесла Катенька!

– Что же, замечательная новость, Михаил Фёдорович! Пётр Иванович прекрасный врач и достойный преемник Щепина во главе Медицинского корпуса. Вы не возражаете, если я попрошу его докладывать мне и о состоянии Вашей супруги? Я с нетерпением жду появления у вас наследников и очень хотел бы выступить в роли крёстного отца по отношению к ним. – Соймонов совсем размяк от моих слов и покраснел как рак.

– Я, Ваше Императорское Высочество, никак не могу возражать против Вашего внимания к делам моим! Я благодарен Вам за участие! Вашими заботами...

– Не стоит, Михаил Фёдорович – это всё пустое! – чуткость и сочувствие не занимают много времени, а эффект имеют поразительный. Да и душевное благополучие подчинённых стоит дорого. Соймонов пришёл в себя и смог продолжить.

– Касательно дел корпуса, Ваше Императорское Высочество, я хотел бы просить об увеличении количества обучаемых в нём выпускников гимназий за казённый счёт!

– А что, в корпусе мало желающих овладевать науками образованных родителями недорослей дворянских²⁰?

– Знания их недостаточны, Ваше Императорское Высочество! Необходимо доучивать не менее трёх лет, у имеющих же хорошее образование – желания становиться горными инженерами невелико.

– Подумаю... – похоже, надо увеличивать гимназическое звено, и вправду, глупо принимать в корпуса подростков, не знающих грамоты. Идеал, конечно, всеобщее начальное, но пока не выйдет, так что хотя бы увеличим количество гимназий.

– Сколько у вас сейчас в корпусе учеников?

– Полторы сотни всего! Считаю мало! Нужно хотя бы в три раза больше!

– Согласен, Михаил Фёдорович! Дел для них много предстоит. Ладно, это мы ещё с Вами обсудим... Вот что я хотел у Вас спросить, друг мой, думали ли Вы, как нам улучшить работу серебряных заводов? Никак не могут они добиться даже устойчивых поставок серебра, а уж об увеличении оных тем более речи не идёт.

– Ну, Павел Петрович! Тут такое дело...

Оказалось, что у нас на двух наших горных заводах, которые изготавливали всё серебро в стране, – Нерчинском²¹ и Колывано-Воскресенском²² был фактически единый производственный цикл. На Алтае не было свинца, который требовался для современной серебряной промышленности, а в Забайкалье его, наоборот, было очень много. Однако Восточно-Сибирскими заводами ведала Берг-коллегия, а Западно-Сибирскими – Императорский приказ. Из-за этого Нерчинская дирекция не была заинтересована в поставках свинца на Алтай и постоянно срывала их сроки, что зачастую останавливало там производство.

К тому же в таких условиях ни о каком технологическом сотрудничестве между заводами речи не шло, наоборот, они жёстко конкурировали между собой и интриговали друг против друга как в плохом романе.

– То есть, Вы рекомендуете объединить управление в одних руках?

¹⁹ Спа – город-курорт в нынешней Бельгии. Самый старый европейский оздоровительный центр.

²⁰ Образование дворянам должны были давать их родители.

²¹ Нерчинский завод – группа заводов в нынешнем Забайкальском крае, на реке Аргунь. Главный поставщик серебра в казну.

²² Колывано-Воскресенский завод – группа заводов на территории Западной Сибири с центром в Барнауле, выплавляющих серебро и золото.

– Безусловно, Павел Петрович! Причём эти руки должны быть знающими. Добыча и переработка на заводах требуют переделки. Многие методы, известные на одном производстве как неудачные, пытаются внедрять на другом, ибо они не имеют доступа к этому опыту. Нужен человек, что объединит эти умения.

– Вы мне можете порекомендовать кого-нибудь подходящего? Вы, Михаил Фёдорович, мне нужнее сейчас в Санкт-Петербурге.

– Кхм... Павел Петрович, я могу предложить на это место Андрея Андреевича Нартова, члена коллегии Монетного департамента.

– Нартов?

– Да, он сын того самого личного токаря Петра Великого, очень опытный инженер и артиллерист. Он сможет. К тому же для организации работ потребуется привлечь многих специалистов из Монетного департамента и Монетного двора, а Андрей Андреевич там все ходы знает. Да и человек он нестарый, сил и желания у него много.

– Хорошо, Михаил Фёдорович, спасибо Вам.

Так что, по результатам нашей беседы, управление Нерчинскими заводами передали из ведения Берг-коллегии в Императорский приказ, где уже создали единую дирекцию. Общее руководство позволило упорядочить поставки свинца, устранило фактор конкуренции ведомств и модернизация добычи и производства теперь осуществлялись на единых технологических началах. Директором объединённых Императорских заводов назначили Нартова, который, не задерживаясь в столице, отправился к месту новой работы, забрав с собой почти десяток молодых специалистов – больших мастеров в части благородных металлов.

Также было сформировано несколько геологических партий из приглашённых из-за рубежа специалистов и студентов Горного корпуса, которые поехали на Урал. Мне казалось, что там должны были быть ещё месторождения драгоценных металлов, да и Тасимов с Соймоновым говорили о такой перспективах.

Хорошо, здесь порядок наведён, но всё равно, радикально количество серебра и золота не вырастет. Надо заниматься бумажными деньгами. Сейчас прекрасный момент для этого – запасы серебра в казне очень немаленькие, монетный двор работал в три смены, обеспечивая перчеканку турецких и европейских пиастров, гульденов, дукатов в российские рубли. Думаю, что можно даже обмен на золото и серебро оставить свободным.

Мама, конечно, хотела ввести ассигнации ещё до войны, но я тогда крайне этому воспротивился. Увидев предлагаемые образцы купюр или ассигнаций, как их сейчас называли, я был настолько шокирован, что едва не разразился грубой руганью. Это был какой-то детский лепет! Все одного цвета и размера, защита минимальная. Подделывать их будут, и причём легко! Мне удалось объяснить это и настоять на своём. За рубежом начали искать мастеров и технологии. Причём, памятуя по прошлой жизни, что бумагу-то изобрели китайцы и умеют из неё делать очень многое, тем более деньги, я посоветовал искать таковые не только в Европе и в империи Цинь.

И вот сейчас к печати нормальных ассигнаций мы уже были готовы. В Петергофе, недалеко от столь любимого нами загородного дворца был построен печатный двор, где и планировалось изготавливать новые бумажные деньги. Они должны были иметь номиналы от одного до ста рублей, быть разного цвета и обладать развитой защитой. На ассигнациях были изображены наши с мамой портреты, пока другой рисунок не был бы воспринят подданными. По словам экспертов, наши новые денежные знаки должны были по качеству превосходить европейские. Да, стоимость изготовления купюр была достаточно высока, но зато красота и сложность подделки должна была обеспечить им долгую жизнь.

К тому же, если по прежнему проекту, обмен был допустим только на медную монету, то теперь, с обретением возможности получить за них серебро и золото популярность бумажных

денег должна была сильно вырасти. Манифест Правящих Императорских Особ об учреждении Государственного ассигнационного банка был опубликован первого июля 1773 года, а уже второго июля в обращение начали поступать первые бумажные купюры.

Несколько лет мы не планировали выпускать ассигнаций существенно больше имеющегося запаса драгоценной монеты, чтобы не вызвать кризиса доверия к новым деньгам из-за проблем с их обменом, но потом это было уже вполне возможно. Я помнил, что в этом деле главное – не забывать о мере. Так что резерв средств для проведения реформ мы получили.

Промышленностью пока заниматься серьёзно было бесполезно. Весь мой опыт указывал на то, что развивать производство чего-либо можно только при наличии хотя бы скольконибудь вероятного спроса. Даже для лёгкой промышленности нужна потребность в её продукции, а у меня 95% процентов населения живёт натуральным хозяйством. Какой здесь спрос? Им даже еды купить не на что! Они совершенно нищие. Больше половины страны чуть ли не в каменном веке живёт – ещё двупольем пользуется. Трёхполье для них – светлое будущее, а вот современное высокотоварное многополье для них недостижимо как с технической и экономической точки зрения, так и с моральной. А уж железо для них часто вообще недоступно – пашут деревянной сохой, вырезанной из корней.

Ломать всё надо, похоже. А просто так ломать нельзя – самого сломают. У нас слабая опора на армию, и всё. Дворяне против нас, духовенство против – пока Платон всё здесь перестроит, много времени пройдёт. Если и крестьяне будут против – всё – туши свет. У них нет ресурсов, отбирается всё под ноль, просто дать им новые возможности и средства – откажутся их использовать, как же быть?

Любые изменения в жизни крестьян должны инициироваться как бы ими самими. То есть надо настроить ситуацию так, чтобы они сами хотели изменений, которые мы готовим, чтобы у людей была уверенность, что они сами об этом мечтают. Но сначала надо было дать им вздохнуть, чтобы крестьяне перестали жёстко голодать, и дети их выживали в большем числе, давая своим семьям надежду на будущее.

– Ваше Императорское Величество! Я категорически против снижения налогов! Расходы государства нашего огромны! А вы предлагаете снизить его доходы до довоенных значений! Как мы будем платить армии? Как будем расплачиваться с кредиторами? – князь Вяземский впал просто в экстатический ужас и пытался заставить нас ощутить нас те же чувства.

– Александр Алексеевич! Вам не следует так волноваться, ибо это чревато различными болезнями, а Вы очень важны для нас и Ваше здоровье является предметом нашей заботы! – Екатерина II, не желая терять инициативу на собрании Имперского кабинета, на котором обсуждались изменение в налоговой политике государства после войны, твёрдо вела свою линию, – Давайте вернёмся к обсуждению наших желаний и возможностей и попытаемся найти верное решение, и не будем сильно нервничать!

– Снижение налогов, вещь совершенно необходимая. Ваше Величество! – взял слово Потёмкин, – Поборы слишком велики – крестьяне дальше нести столь высокое бремя неспособны, скоро начнут бунтовать, а купцы и промышленники в ближайшем будущем совсем издохнут. Что будет дальше? Вот, посмотрите, доклады губернаторов, челобитные крестьян и купцов, даже жалобы уральских горнозаводчиков. Всё это подтверждается мнениями наших чиновников, которые провели расследование сложившейся ситуации. Мы можем оказаться у разбитого корыта, если будем продолжать так давить на податное население.

– Благо военные расходы сильно снижаются! – вставил своё мнение генерал Вейсман.

– Да, Александр Алексеевич! Военные траты уменьшаются, а наши доходы были постоянно выше наших расходов даже во время войны! – мама продолжала держаться выбранного курса.

– К тому же доходы увеличатся за счёт оброчных платежей крестьян, изымаемых у мятежников! – снова подал голос Потёмкин.

– Но вы же требуете снижения и оброчных платежей! – отбивался Вяземский.

– Но улучшение жизни крестьян должно увеличить их численность! – настаивала мама.

– Но если это и случится, то только через лет двадцать! – огрызнулся князь.

– А как насчёт внешнего кредита? – Потёмкин с интересом посмотрел на Вяземского.

– Наше положение после подавление волнений позволяет нам спокойно говорить о кредите с голландскими или английскими банками. – вынужден был объявить, отвечающий за финансовую часть империи, князь.

– А что, Вы уже смогли точно посчитать наши доходы и расходы? – невинно заметила мама.

– Возможно, скоро посчитаем. – Вяземский уходил уже в чёрную меланхолию.

– Я объявляю о своей готовности поддержать постоянство государственных расходов из средств Императорского приказа! – мама дожимала князя, но тот упирался. Очень уж он был консервативен, настаивал на необходимости огромных запасов ресурсов в своём распоряжении и не понимал конечность возможностей налогоплательщиков – прямо настоящий финансист из XXI века. Только через пару часов тот не выдержал и согласился с доводами.

Я по-прежнему старался оставаться в тени Императрицы, это очень помогало во внешнеполитической деятельности, да и внутри страны серьёзно отвлекало активных игроков. Мой образ просвещённого, но подавляемого жёсткой матерью, романтичного юноши энергично использовался, и отказываться от него я точно не собирался. Да просто комфортнее мне было действовать исподтишка, оставляя львиную долю интриг и светских разговоров матери.

Так что я вначале убедил в необходимости этих решений маму, Потёмкина и Вейсмана, а уж они и убеждали Вяземского, который представлял собой наш чиновничий аппарат. Им надо было опять-таки именно убедить князя, а не приказывать ему. Он и должен был проводить эти налоговые изменения, а без уверенности в правильности своих действий на такое человека посылать просто нельзя – это моё мнение. Конечно, при необходимости я мог вмешаться, но это не потребовалось – убедили.

Финансовый вопрос был самым сложным, так как требовал расчётов и обсуждений. Остальное-то зависело только от нашей с мамой воли. И уже в июле вышли Манифесты «О Крестьянах» и «О Налогах». Отменялись военные налоги и сборы, а они к концу войны составляли уже около половины платежей податного сословия. Это принесло значительное облегчение экономике.

Размер крестьянского оброка ограничивался. Крестьянам теперь давались большие права и возможности. Фактически уравнивались положение государственных и крепостных земледельцев. Вводились единые правила для всех сельских жителей – барщина и государственные повинности в период сельскохозяйственных работ запрещались, а в прочее время ограничивались двумя днями в неделю, налагался запрет на неутверждённые законом обязанности.

Вечное прикрепление к земле заменялось договором на срок от пяти до пятнадцати лет. Полицейская и судебная власть помещиков над крестьянами ограничивалась – существенные кары: ссылки, казни и тюремное заключение – требовали утверждения. Телесные наказания запрещались.

Крестьянам разрешалось по завершении срока договора менять место проживания и даже покинуть крестьянское сословие. Молодые люди, не достигшие восемнадцати лет на дату выхода манифеста, вообще не обязаны были заключать договор с помещиком, на которого работали их родители. По сути, этот манифест упразднял крепостное право, меняя его фактически на арендные отношения – земля оставалась у помещиков. Хотя надо заметить, что уже

больше половины сельскохозяйственных территорий в центральной части России и в провинциях сейчас принадлежали казне или Императорской фамилии.

В идеалистических мечтаниях я видел полную свободу крестьян, наделяемых землёй. Но такое чудо было невозможно. Совершенно лишить дворян имущества было никак нельзя – они основа армии и чиновничества – революция-то нам точно не нужна. Да и крестьяне пока не были бы готовы к такому, да и планов по заселению новых земель было громадье – наместничества занимали огромные территории и там нужны были люди, которые переселятся туда с желанием, а не только по принуждению.

Здесь уже пришлось нашим военным поработать с подавлением крестьянских волнений. Те начали мстить наиболее одиозным помещикам за годы унижений и житья на грани голодной смерти. Однако войска не увлекались казнями и репрессиями, мятежников велено было судить и только так, а смертные приговоры утверждались исключительно Правящими Императорскими Особами. Так что казней было только две – были повешены убийцы женщин. Прочие душегубы отправились на каторгу, остальные же бунтовщики переселялись – требовалось обживать и Крайний Север.

Из виновных крестьян формировались команды, которым предстояло осваивать северные реки, чтобы корабли могли, не беспокоясь за места стоянки, идти Северным морским путём. К ним добавлялись охочие люди из Архангелогородской губернии – привычные к суровому климату рыбаки и земледельцы, которых манили неистошимые запасы рек и полей, да ещё и освобождение от всех налогов на двадцать лет. Ломоносов оставил нам план колонизации Сибири, и только требовалось, что следовать ему. Уже вскоре вольными людьми и ссылными были заложены поселения на Печоре и Оби.

А воеводой в Обдорский острог отправили Степана Шешковского. Сего предателя мама хотела казнить, но я её упробил так не делать. Люди нам были нужны, а он не дурак, хоть и слабый человек, который всегда искал, где лучше. Вот пусть там покажет, на что способен.

Глава 6

– И что делать-то будем дальше, Павел Петрович? – мы сидели с Потёмкиным в беседке на берегу залива. Вроде бы даже выпивали, хотя я по-прежнему мусолил первый бокал. Просто хорошо было сидеть с другом около моря. Летнее солнышко, шум волн... Как-то даже казалось, что всё и так прекрасно.

– О чём ты, Гриш? – лениво спросил я.

– Ну, так, кажется мне, что ты, Твоё Высочество, не сильно-то и горишь южными степями. Даже Молдавию свою и то не любишь?

– Что это ты вдруг такое решил, Гриш?

– Не спешишь ты с заселением!

– Как не спеши – спеши! Только знаешь же *Festina lente*²³, как говорил сам Октавиан Август, а он создал великую империю!

– Но всё-таки, мне кажется, что ты в голове что-то другое держишь?

– Что другое, Гриш? Путь-то больше нет. Оставаться на месте – сожрут нас соседи, затопчут. Оно, конечно, может, мне по душе больше Урал заселить, или какую-нибудь Барабинскую степь распахать – там и врагов меньше. Только вот таких урожаев, как в Причерноморье нигде больше не найти, ехать туда близко, да и коли не мы эту землю заселим, то опять всяких крымчаков набегит... Так что оно, конечно, заселять будем. Скоро... А потом уже и на Восток пойдём.

– Что, на Восток всё равно рвёшься, Паша?

– Как же не рваться, Гриш. Там столько всего! Железо, золото, меха, океан в конце концов! Там великий Китай, Индия. Нам без Сибири не прожить. Знаешь же, как Ломоносов говорил?

– Ох, смотрю я на тебя, Паш. Вроде бы и не был ты за Уралом, а как начнёшь говорить о Сибири, так улыбка у тебя глупая, словно о любимой женщине рассказываешь!

– Ладно, Гриш, скажи мне, сколько дней конному ехать отсюда до Ясс?

– Да, дней десять! Коли лошадей менять!

– Вот, а до Иркутска не меньше тридцати! А от него до Охотска ещё ехать и ехать, и то ещё не конец земли нашей. Где больше места?

– Вот как ты смотришь! Так там же холодно да голодно?

– Так не везде же! Прикинь, Гриш, сколько там мест для хорошей жизни можно найти! Конечно, идти туда нам сам Бог велел! Только не сразу. Южные степи интереснее. А пока пусть вон, Панин со товарищи Камчатку осваивает. А ты на Юг рвёшься?

– Да теперь и не знаю, Павел Петрович, может, лучше, как ты сказал, в Барабинскую степь съездить? Глядишь, она предпочтительней Молдавии покажется!

– Экий ты балабол, Гриша! Никогда не поверю, что ты тёплую степь да казачье раздолье на что-то променяешь!

– Вот может род у меня из казаков?

– Гриша, ты совсем от тепла да вина размяк! Ну, какой ты казак, коли твой предок Гансом звался²⁴? – мы смеялись, болтали. Хороший вечер выдался.

Для улучшения финансового положения в стране явно требовалось усовершенствовать администрирование. Не дело, когда оно держится на честном слове. Точных цифр, да и даже приблизительных, нет ни у кого. Для устранения данной проблемы мы решили сформиро-

²³ *Festina lente* – поспешай медленно (лат.)

²⁴ Род Потёмкиных происходит от Ганса Александровича Потемпского, выехавшего из Польши к Василию III.

вать Казённый приказ. Основная задача его заключалась в организации управления финансами государства, и его структура должна была распространиться и на региональный уровень. Теперь контроль над казной и принципы организации должны будут расшириться на всю территорию страны.

Возглавил Казённый приказ князь Вяземский. Выбирать, по сути, было не из кого, а бывший генерал-прокурор Сената, который был кристально честным человеком и прекрасным администратором, ранее много времени уделял именно финансам, так что ему и карты в руки. К нему в заместители напросился Николенька Шереметев, имевший тягу к финансам. Пусть ему и исполнилось всего двадцать два года, но я был уверен в его рассудительности, образованности и верности, так что с лёгким сердцем рекомендовал его Вяземскому, так сказать «на вырост».

С коллегиями вообще пришло время заканчивать – текущее устройство управления империи не соответствовало насущным требованиям. В целом, очевидно было, что система коллегий явно отживала, она стала неэффективна, в основном благодаря коллективному принятию решений и коллективной же ответственности за них. Конечно, такая система лишала сильные фигуры возможности собрать значительные силы и провести переворот, но она же и не давала нормально руководить отдельными отраслями хозяйства. Так что, требовалось провести реформу государственного управления.

Теплов занимался этой проблемой уже очень давно, и хотя вначале это была его частная инициатива, но после моей поездки на Урал и обнаружения мною многочисленных ошибок коллегий, его работа была санкционирована мной и мамой – изменения были необходимы. При этом в процессе изучения вопроса Теплов обнаружил ещё один нюанс – бездумное принятие западной терминологии плохо воспринималось значительной частью общества, причём на это не оказало влияние даже время, прошедшее с начала её внедрения.

А уж когда основная часть наиболее европеизированных дворян отравилась в ссылку на восток, мы уже просто должны были продемонстрировать возвращение к истокам, хотя бы в части наименований некоторых управленческих структур. Мама уже тоже начала тяготеть к консерватизму и решено было снова учреждать приказы, как в допетровское время.

Руководителем приказа должен был быть Приказной глава, который единолично управлял бы работой учреждения и нёс ответственность напрямую перед Правящими Императорскими Особами. Фактически это станет началом перехода к министерской системе управления, что было мне значительно более привычно и удобно. Первой ласточкой на этом пути было формирование Императорского приказа. Теперь в рамках этой трансформации появлялся и Казённый приказ.

Казённый приказ решал проблему улучшения именно администрирования, но затруднения в движении государственных финансов так просто не преодолеть. Всеми денежными делами империи до сей поры руководили исключительно из центра, а при очевидной слабости системы управления получалось, что местными потребностями чаще всего пренебрегали.

В результате этого слишком быстро рос разрыв между столицей и провинцией. Мне очень хорошо помнилось моё прошлое, та прошлая жизнь, где все рвались в Москву, ибо только там были возможности жить и развиваться. Именно там были все деньги, школы, театры, даже магазины, а в провинции... Как вспомню... Я боялся подобного будущего.

Да и как в такой системе управления заселять новые территории? С медленной связью, со слабой администрацией нам будет крайне затруднительно контролировать происходящее на местах, сложно оперативно реагировать на их потребности.

Так что реформа административного устройства должна была состояться. Территория государства была разделена на губернии, генерал-губернаторства и наместничества. Новые административные образования не совпадали со старыми границами. Губернии учреждались на землях, уже давно освоенных и заселённых, которые составляли основу империи. Гене-

рал-губернаторства создавались в пограничье, где законы и обычаи государства нашего ещё не устоялись, а сами земли нуждались в обороне. А наместничества были предназначены для регионов, которые должны были только осваиваться.

Разница в финансовом управлении была вполне понятна – часть налогов, собираемых в губерниях, теперь оставалась в самих административных единицах, в их уездах и волостях. На местах должен был быть создан механизм, аналогичный центральному Казённому приказу, по приёму и распределению средств на развитие территорий.

В генерал-губернаторствах и наместничествах же предоставлять местным жителям право распоряжаться даже частью налоговых поступлений я считал пока преждевременным. В наместничествах налоги вообще были делом будущего, деньги туда направлялись из центра и за их расходование отвечал глава территории лично. А предоставлять право тратить средства, собираемые в генерал-губернаторствах, я собирался исключительно моим генералам, выполняющим и административные функции.

Отличия, конечно, были и в управлении – в частности, в губерниях войска не подчинялись местному руководству, а в генерал-губернаторствах и наместничествах военная и гражданская власть были объединены.

Были образованы двадцать три губернии, три генерал-губернаторства и восемь наместничеств. Наместничества были выделены Кубанское, Таврическое, Заволжское, Уральское, Зауральское, Сибирское и Камчатское, а генерал-губернаторства Малороссийское, Придунайское и Балтийское.

– Прекрасный день, Алексей Григорьевич!

– Да, погода весьма приятная, Павел Петрович! Да и июль вообще приятный месяц!

– Желаете чаю или сбитня, Алексей Григорьевич? – я был весьма предупредителен.

Орлов был приглашён в Петергоф для конфиденциального разговора, и по прибытии во дворец он был препровождён в беседку на берегу залива. Было жарко, но здесь лёгкий морской ветерок приятно остужал двух мужчин, одетых в парадные мундиры.

– Может быть, Вы сможете угостить меня вином, Ваше Императорское Высочество? – улыбнулся генерал-аншеф.

– Узнаю бесцеремонного Алексея Орлова! – засмеялся в ответ я, – Конечно, любезный, для Вас легко! – махнул рукой слуге и тот, не задавая вопросов, поднёс графу великолепный цветного стекла бокал с вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.